

АННА МАЛЫШЕВА



Сфинксы
северных
ворот



Анна Витальевна Малышева
Сфинксы северных ворот
Серия «Художница Александра Корзухина-Мордвинова»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8321257
Сфинксы северных ворот: роман: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086466-9

Аннотация

Вот уже двести лет маленький скромный дом во французском городке пользуется дурной славой. Его обитателей словно преследует злой рок. Случайно узнав об этом, Александра уже не может отменить свидания с тайной. На этот раз загадку ей предлагает сфинкс...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Витальевна Малышева

Сфинксы северных ворот

Роман

Елене Кондратьевой-Сальгеро

*Провинция все еще верит в схороненный прадедами клад.
Оноре Бальзак. Старая дева*

Глава 1

Александра протянула руку, нащупывая впотьмах клавишу звонка, смутно белеющую на каменном столбе ворот. Нажимая ее, она всматривалась в глубину сада за решеткой ограды. Вдали виднелись освещенные окна, полускрытые кустарниками, еще безлистными. Только что прошел дождь, и весенний сад пах свежо и горько. Никакого движения в нем не было заметно, слух женщины улавливал только стук падающих с ветвей капель. «А ведь меня должны ждать!» – подумала она, вновь нажимая звонок.

Вернувшись к такси, которое все еще стояло на обочине извилистой деревенской улицы, Александра открыла дверцу и, склонившись, по-французски уточнила у водителя, который переговаривался по рации с диспетчером:

– Это точно, дом восемьдесят шесть Вэ?

– Да, да, мадам! – оживился таксист-вьетнамец, ткнув пальцем в экран навигатора, где красным флажком был обозначен конечный пункт. – Вы не поедете обратно?

– Нет...

– Жалко... Мне тут не найти пассажиров в Париж! Придется ехать пустым... – Водитель все еще смотрел на нее выжидающе, словно рассчитывал, что она вдруг переменит решение и вернется с ним в город. – Тут все уже спят!

Когда такси все же тронулось и скрылось за поворотом безмолвной деревенской улицы, окруженной такими же безлюдными темными садами, как тот, возле которого стояла Александра, женщина подумала с запоздалой тревогой, что ей стоило бы вернуться в Париж. «Похоже, звонок не работает, или его не слышат. Такси тут не поймашь, где вокзал, я понятия не имею. Прохожих в полночь не встретишь, номера стационарного телефона особняка у меня нет... Мобильный Натальи почему-то не отвечает... Однако, ситуация! Да еще багаж!»

Багаж тревожил художницу больше всего. Личных вещей у нее с собой было всего ничего, одна небольшая сумка – Александра всегда путешествовала налегке. Но вот маленький чемодан, купленный специально для этой поездки, чемодан, который она взяла с собой в качестве ручной клади и с которым боялась расстаться на миг... Александра в сердцах нажала звонок в очередной раз и уже не отнимала пальца от клавиши. «Я стою тут, среди ночи, в безлюдном месте, и трясусь над рисунками экспрессионистов, которые хозяйка непременно пожелала доставить из Москвы, и непременно при моем содействии... Она прекрасно знала, что я должна приехать сегодня, около этого часа, но отчего-то не торопится меня встречать! Надо было все же вернуться в Париж, переночевать в каком-нибудь отеле, тем более все счета Наталья взялась оплатить, и уже с утра ехать сюда... Кто знает, какие тут, в деревне, нравы? Может, ложатся спать с курами и не ждут гостей в такое неприлично позднее время?!»

Начал моросить дождь. Александра накинула капюшон и, сердито оглядев улицу, взялась за выдвижную ручку чемодана. Она двинулась вдоль ограды, рассчитывая найти другой вход, с исправным звонком.

Сад оказался большим. Дом 86-В (табличку с номером она обнаружила на одном из каменных столбов ограды, что несколько ее обнадежило) был последним в конце деревенской улицы. Далее, там, где ограда делала поворот, тротуар превращался в дорожку, усыпанную крупным щебнем. За околицей тянулись темные поля, испускающие пряно-услашенный запах размокшего навоза и молодой зелени. Александра с минуту вдыхала его, пытаясь представить себе невидимую местность. «Кажется, до самого горизонта больше нет ничего, кроме пашни... Ну и глушь... Я-то думала, это больше похоже на город, пусть крошечный!»

Дождь усиливался. Стемнело к этому времени так, что женщина с трудом различала прутья решетки рядом со своим лицом. Освещенные окна все еще маячили в глубине сада, но это было единственное свидетельство того, что дом обитаем. Александра, все больше раздражаясь, пошла быстрее, глубже надвинув капюшон. «Не хватало еще вымокнуть насквозь вместе с рисунками... Хотя чемодан, кажется, непромокаемый, но все же... Все же...»

Внезапно она остановилась, различив в шаге от себя некое препятствие. В первый миг ей показалось, что на пути лежит огромная собака, настороженно поднявшая голову. Впрочем, Александра не успела испугаться, немедленно осознав, что едва не столкнулась с каменной статуей. Вторая статуя, точно такая же, виднелась впереди, на расстоянии нескольких метров. «Похоже, я наткнулась на главный въезд в усадьбу! – поняла женщина, склоняясь к скульптуре и убеждаясь в своей правоте. – Да, верно, собака... Или лев... Да кто бы ни был, главное, это еще один вход!»

Высокие решетчатые ворота, которые охраняли с двух сторон каменные изваяния животных, были распахнуты. Не колеблясь, Александра вошла в них и, все убыстряя шаг, направилась к дому. Дождь, словно подстерегавший момент, когда она переступит границу сада, хлынул вдруг с такой силой, что женщина пустилась бегом. Она перевела дух, только оказавшись под навесом возле двери, слабо освещенной падавшим из ближайшего окна светом. Художница безуспешно искала звонок, постучала, затем взялась за ручку и обнаружила, что дверь не заперта. Потянув ее на себя, она вошла в дом и очутилась в кухне.

Просторная комната с белеными стенами и холодным очагом в углу оказалась пустой. Серые каменные плиты пола были влажны: не то их недавно вымыли, не то это было их обычное свойство. На газовой плите стоял большой эмалированный чайник с закопченными боками. Простой сосновый стол, занимавший всю середину комнаты, с придвинутыми к нему плетеными стульями, невзрачными и крепкими, какие можно встретить в церкви, несколько шкафов вдоль стен, огромная корзина у входа, на дне которой обреталось несколько багровых луковиц, – это была вся обстановка кухни, по-казарменному чистой, холодной и безликой. Помещение ярко освещалось двумя свисавшими с потолка лампами под жестяными абажурами. Александра, щурясь от света, казавшегося после уличной темноты слишком резким, огляделась и прикрыла за собой дверь, чем разом отсекала нарастающий гул расходившегося дождя.

В коридоре, куда вела единственная дверь из помещения, послышались быстрые шаги. Художница ожидала увидеть хозяйку дома, свою старую московскую знакомую, перебравшуюся не так давно на постоянное жительство в Париж, но на пороге кухни появился незнакомый молодой человек. Он вошел, явно не ожидая увидеть гостью, потому что, едва заметив ее, издал изумленное восклицание и нахмурился. Александра поторопилась заговорить с ним, чтобы развеять опасения, которые, как она видела, уже испытывал юноша.

– Я приехала к Наталье Ступиной, – произнесла она сперва на всякий случай по-русски, затем тут же повторила по-французски, уяснив, что ее не понимают. – Она здесь живет?

– Здесь, – по-французски ответил молодой человек, несколько успокоившись. – Но ее нет, она в Париже.

Александра с досадой растерла озябшие ладони и невольно оглянулась на входную дверь, за которой слышался непрерывный гул ночного апрельского ливня.

– Она должна была меня ждать по этому адресу, – упав духом, произнесла женщина. – Я даже не знаю, где находится ее парижская квартира.

Но молодой человек, который представился Дидье, с чисто галльским дружелюбным добродушием предложил ей не волноваться.

– Наталья мне ничего не говорила, но если она вас ждет, переночуйте здесь. Утром она собиралась приехать. Я сам ее жду.

– А нельзя ли ей позвонить?

Но выяснилось, что Дидье не знал телефонного номера парижской квартиры, да и о ее местоположении имел самое смутное представление.

– Это где-то в Латинском квартале, недалеко от Сорбонны, – проговорил он и добавил с выражением восторга: – Шикарно!

Дидье оказался сыном соседа, чей сад и дом располагались сразу за оградой. Устраивая гостью на ночлег (спален на втором этаже оказалось несколько), молодой человек успел вкратце рассказать Александре обо всем на свете. В частности, о том, что сейчас он нигде не учится и толком не работает, потому что «пока присматривается», Наталья платит ему «кое-что», чтобы он «присматривал здесь за всем», а сама появляется редко. Ему девятнадцать лет, у него три сестры, из которых старшая уже присматривает за младшими, совсем маленькими. В целом, у Александры сложилось впечатление, что Дидье и к ней «присматривается»: художница то и дело ловила на себе пытливый взгляд его больших голубых глаз, веселых и одновременно лукавых. Наконец молодой человек пожелал ей спокойной ночи и скрылся в коридоре, закрыв за собой облезлую дверь, некогда выкрашенную синей краской.

Оставшись одна, Александра опустила на кровать, покрытую шерстяным красным одеялом. Пошупав тюфяк и с удивлением убедившись, что он набит соломой, она откинула одеяло и осмотрела пожелтевшие от старости простыни, плоскую подушку, словно еще хранившую отпечатки покоившихся на ней когда-то голов. Возле кровати на щелистом дощатом полу лежал коврик, связанный из цветастых тряпиц чьими-то терпеливыми руками. На окне сиротливо висела слишком узкая ситцевая занавеска, розовая в синий цветочек. Откинув ее, Александра приотворила разбухшую раму и впустила в спальню порыв свежего ночного ветра, принесшего с собой лепет капель, падавших с близкой крыши в водосточный желоб.

«Однако, что за восхитительная глушь! – сказала она себе, вглядываясь в непроглядную тьму, которую до самого горизонта не нарушало ни единое световое пятно. – Можно подумать, я перенеслась лет на сто пятьдесят назад... В пору дилижансов и газовых рожков...»

Переодевшись, женщина отправилась искать ванную комнату. Дверь в свою спальню она оставила распахнутой, чтобы падающий оттуда свет хоть немного освещал темный коридор. Все двери, которые она открывала, оказывались незапертыми. За ними находились комнаты, обставленные так же скудно и примитивно, как ее собственная спальня, или немногим лучше. Кровать, часто даже без матраца, простой стол, грубо сколоченный стул, шкаф топорной работы – типичная меблировка большинства деревенских жилищ, обитатели которых куда больше времени проводят в поле, чем в доме. Спустившись на первый этаж, она обнаружила кухню пустой и темной. Дидье бесследно скрылся, и напрасно Александра, стоя посреди кухни, звала его, все больше повышая голос. Парень явно ушел домой. В более чем скромной ванной комнате, которую художница обнаружила на первом этаже, и вода, и газ в колонке были перекрыты. Она побоялась самостоятельно их открывать. С бытовыми устройствами ей патологически не везло, Александра опасалась устроить потоп, а то и взрыв, крутя

незнакомые и не самые современные вентили. Приходилось смириться с тем, что придется лечь спать, не умывшись.

«Хотя, какие нежности... Можно умыться под водосточной трубой в саду! Дождевой водой, роскошно!»

Так художница и поступила. Входную дверь, по деревенскому обычаю, Дидье, уходя, не запер. Выйдя под навес, она немедленно обнаружила искомую бочку, уже переполненную, – вода так и хлестала в нее, стекая с крыши по желобу. Дождь, притихший было, внезапно вновь усилился. Александра тщательно вымыла руки с мылом, ополоснула лицо, почистила зубы и, вытираясь, несколько минут прислушивалась к невероятной, сокрушительной тишине деревни, давно спавшей крепким сном. Медля уходить, она усмехалась, вспоминая свою мастерскую в Москве, давно превратившуюся в берлогу из-за отсутствия элементарных удобств. Зброшенный дом, где располагались мастерские, почти все уже вымершие и покинутые, шел под реставрацию, и скоро этот последний приют предстояло покинуть... Нужно было куда-то перевезти все книги, инструменты, старые холсты, множество бумаг и прочего хлама, который Александра копила больше десяти лет жизни в мансарде, под крышей особняка. Расстаться с этим домом на Китай-городе для нее было бы так же странно и тяжело, как попрощаться со своим именем.

«Вот если бы у меня был на примете такой деревенский дом! – вдруг подумала она, не в силах вернуться в кухню, замороженная музыкой дождя, шумящего в весенней ночи. – Почти пустой, ничем не загроможденный, чистая страница, на которой можно рисовать все, что душе угодно! Ах, как бы мне было здесь удобно и хорошо! Простор... Покой... Невероятная тишина!»

Коренная москвичка, горожанка до мозга костей, чья любовь к пейзажам носила больше художнический интерес, чем личный, она внезапно ощутила острое желание уединения. Не одиночества в самом центре огромного города, которое стало ей привычным за последние годы, а настоящего затворничества. Александра с нежностью думала о жизни в этой деревне, затерянной среди невидимых и необъятных полей, о которых художница догадывалась лишь по запахам пробуждающейся земли, приносимым порывами теплого влажного ветра...

Вернувшись в дом, она все же заперла входную дверь на щеколду. Налив стакан воды из чайника, Александра пошарила в карманах куртки, висевшей на спинке стула. Она повесила ее здесь на просушку, и на каменных плитах пола уже образовалось несколько крохотных лужиц. Упаковка с таблетками отыскалась во внутреннем кармане. В последнее время у нее вновь, уже не в первый раз, нарушился сон, и художница порой прибегала к помощи снотворного. Вытряхнув из коробочки две голубоватые овальные таблетки, она запила их водой, прислушиваясь к легким скрипам лестницы. «Дом старый, полузброшенный, – подумалось ей, – наверняка здесь множество невидимых глазу жильцов, которых и услышать-то можно только по ночам! Скорее всего, и полевки есть, ведь пашни рядом, и жучки-древоточцы, а может, даже и летучие мыши?!»

Закинув голову, она сделала последний глоток и осмотрела потолок, довольно высокий для деревенского дома. Давно не беленный, серый и покрытый паутиной, он лежал на балках из темного дерева, как почти в каждом доме в этих краях. Наружная проводка, проложенная вдоль балок и укрепленная загнутыми гвоздями, трещины в неровной штукатурке, свисающие с балок обрезанные нитки, служившие некогда для просушки перечных стручков или фасоли, – все это было обыкновенно, все встречалось художнице во время ее многочисленных странствий по европейским провинциальным городам и деревенькам.

Летучих мышей, которых Александра втайне боялась увидеть, к ее великому облегчению, не оказалось. Она не могла забыть единственного, поистине кошмарного случая, когда ей во время деревенской ночевки на Сицилии едва не вцепился в лицо потревоженный

огромный нетопырь, которого она с первого взгляда приняла за кожаный мешок с орехами, подвешенный в углу возле очага. С тех пор Александра внимательно осматривала потолки помещений, где можно было хотя бы предположить наличие летучих хищников.

Ее внимание привлекла одна из верхних балок, вплотную примыкавшая к потолку. Балки были проложены крест-накрест: четыре массивные нижние несли на себе перпендикулярно уложенные верхние, более легкие, на которые уже опирался оштукатуренный деревянный потолок. На такой-то верхней балке, почти в самом центре потолка, она углядела в свете лампы металлический диск, похожий на блюдце. Он был прикреплен к балке сбоку, так что увидеть его снизу можно было, лишь находясь в определенном месте. Заинтригованная, женщина пододвинула стул и, балансируя, взобралась на сиденье.

Теперь можно было рассмотреть медальон, оказавшийся на расстоянии вытянутой руки. «Скорее всего, он оловянный!» – предположила Александра. В диаметре диск был не больше десяти сантиметров, как раз с кофейное блюдце. К балке медальон крепился четырьмя гвоздями, забитыми так тщательно, что маленькие черные шляпки глубоко вдавились в мягкий серый металл.

– Любопытно! – Александра невольно произнесла это вслух и тут же оглянулась, словно проверяя, не потревожила ли кого.

«Не думала, что дом такой старый!» Продолжая изучать медальон, она дотянулась до него и осторожно провела пальцем по ободку. Стул покачнулся на неровных плитах пола, Александра испуганно схватилась за спинку и торопливо слезла. Она успела рассмотреть несложный рисунок, выбитый на мягком металле, рисунок примитивный и вместе с тем почти геральдически точный: одноэтажный домик между двух больших деревьев, похожих на дубы, которые переплели над его двускатной крышей свои кроны, так что невозможно было различить, где кончаются ветви одного дерева и начинаются другого. Внизу, у корней деревьев, значилась дата: 1814.

«Значит, второй этаж пристроили позднее, сперва дом был одноэтажным, более чем скромным!» – размышляла художница, гася лампу и почти ощупью взбираясь вверх. Из распахнутой двери ее спальни в коридор падала полоса желтого света.

Было уже далеко за полночь. Александра, привыкшая к ночным бдениям за работой, все же устала после перелета. Снотворное еще не давало себя знать, голова, к ее досаде, оставалась ясной. Женщина, погасив свет, легла, но, поворочавшись на жестком колючем тюфяке, встала и вновь включила лампу.

«А надо бы выспаться, завтра не придется полдня валяться в постели, придет Наталья за своими сокровищами. И впрямь, рисунки подобной ценности можно так назвать. Август Маке, Жанна Маммен... Остальное попроще, но все же стоимость этого чемоданчика такова, что не стоит прогуливаться с ним ночью, в одиночестве, по темным улицам. Однако Наталью это почему-то не встревожило... А ведь она так торопила меня с приездом, будто для нее не было ничего важнее, чем получить эти рисунки!»

Бродить по пустому темному дому, чья архитектура и обстановка не представляли для нее никакого интереса, было лишено смысла. Александра с удовольствием прошлась бы по саду, но дождь никак не утихал. Погасив свет и натянув одеяло до подбородка, она долго лежала в кромешной тьме с широко раскрытыми глазами, так что порой переставала понимать, опущены ее веки или подняты. В темноте мелькали огненные искры, похожие на те, которые ветер разносит над пылающим в ночи костром. Тогда Александра закрывала глаза, чувствуя, как под ресницами вскипают слезы крайней усталости. Был миг, когда полная тьма и оглушительное безмолвие, окружившие этот старый дом, стали действовать на нее угнетающе. Ей хотелось теперь, чтобы скорее наступил рассвет, прояснилось небо, раздались рядом человеческие голоса. «В такой тишине и темноте уже не понимаешь, это еще жизнь

или уже смерть...» Эта пугающая мысль была последней: Александра внезапно уснула, растворившись в шуме ночного дождя, под плеск воды в желобе за приоткрытой створкой окна.

* * *

Ее разбудило яркое солнце, лучи которого падали прямо на постель. Взглянув на розовую занавеску, ставшую на просвет празднично яркой, Александра решила спросонья, что проснулась на заре и это ее отсвет зарумянил полинявшую ткань. Но, встав и выглянув в окно, художница обнаружила, что полуденное солнце стоит высоко.

Небо очистилось от облаков и сияло, как синее фаянсовое блюдо, только что ополоснутое в ручье. Сад, залитый солнцем, искрился и шумел на сильном теплом ветру, порывами налетавшем с полей. Поля тянулись до горизонта, как и предположила ночью Александра. Бескрайние, покрытые ослепительным зеленым бархатом едва взошедших побегов, они таяли во влажной дымке. Из окна была видна дорога, проходившая за оградой сада, виднелись и настежь распахнутые ворота, те самые, предположила художница, через которые она ночью попала в это владение. А у ворот стояла машина.

«Наталья приехала!» Торопливо одевшись, Александра спустилась на первый этаж и вошла на кухню как раз в тот момент, когда ее старая московская знакомая переступала порог.

– Ты здесь! – воскликнула Наталья, ставя на пол матерчатую сумку, откуда высовывались два багета в коричневой оберточной бумаге. – Ну, слава богу, а то ведь мне вчера пришлось срочно уехать в Париж...

Они обнялись. Александра не виделась с Натальей года два и должна была признать, что за это короткое время та сильно изменилась. Женщины были ровесницами, но Наталья стала выглядеть куда старше своих сорока с небольшим. Она похудела, лицо покрыли мелкие морщинки, рот увял, каштановые волосы почти совсем поседели – Наталья, никогда не пользовавшаяся косметикой, их принципиально не красила. Прежней осталась только теплая улыбка этой женщины, да ее голос – хриловатый, приятного тембра.

– Меня устроил на ночлег сын твоего соседа, Дидье, – сообщила Александра, стараясь не слишком пристально разглядывать хозяйку дома. – Милый молодой человек.

– А, Дидье... – протянула та, принимаясь доставать из сумки покупки и раскладывать их на столе. – Я сегодня должна ему заплатить. Он иногда здесь и ночует, я подозреваю, что не один... Но всегда за собой прибирается, так что я не в претензии... Он здесь?

– Кажется, я ночевала в доме одна... – улыбнулась художница.

– У него все ключи, он приходит и уходит, когда захочет... Сын прежнего владельца, кстати. Я купила дом у соседа! Он не мог больше его содержать... Что это я разболталась, давай завтракать, я зверски голодна!

Отвернувшись, Наталья поставила на огонь чайник, ополоснула зелень под краном, вскрыла упаковку с нарезанным сыром, разломил на несколько кусков свежий хлеб. Все было готово за несколько мгновений. Александра и сама ощущала жгучий голод, у нее не было ни крошки во рту после пересоленного обеда в самолете. Женщины уселись за стол.

– Как тебе дом, кстати? – Наталья, изучавшая этикетку на консервной банке, подняла взгляд на гостью. – Осмотрела уже? В своем роде местная достопримечательность, только я узнала об этом уже после того, как его приобрела... Я ведь купила не глядя, через посредника... Отдавали задешево: прежний владелец не мог выплатить какой-то грабительский банковский кредит и срочно нуждался в деньгах... А то бы дом продал сам банк, и ему бы вообще ничего не досталось...

– Печально...

– Только тс-с! – Наталья приложила палец к губам. – Это страшная тайна! Ты не можешь себе представить, сколько раз я поклялась, что никому не расскажу о его матери-

альных затруднениях! Честное слово, этот дом не стоил таких церемоний... да и таких денег тоже!

– Почему? Хороший дом, только... пустоват, – честно ответила Александра. – Да и скучновато спроектирован, говоря по правде. А чем он примечателен? Пока я заметила только одно архитектурное излишество!

Она указала на медальон, приколотенный к потолочной балке. Проследив взглядом за ее жестом, Наталья кивнула:

– От твоих глаз ничто не укроется! Занятная штука, да? Ее изготовили и прибили на это место сразу после постройки дома, это что-то вроде герба, хотя первый владелец не был дворянином... Он начал простым наполеоновским солдатом, но дослужился до полковника, побывал и в Египте, и в России... Отсюда он удрал еще мальчишкой и через двадцать лет вернулся на родину, в эту самую деревню, сущей развалиной. Его носили в кресле, ноги он отморозил в России, во время отступления, их там же пришлось отнять. Но после возвращения полковник прожил еще несколько лет. Женился, нарожал детей, построил дом и умер в полном достатке... Говорили, что он был куда богаче, чем старался казаться. Другие погибли, опускались, побирались, а он умудрился выжить и нажиться... Он ведь был простым крестьянином из здешней округи, а умер заметной фигурой, местной достопримечательностью... Незаурядная личность, что уж там!

Последние слова Наталья произнесла, как показалось заинтригованной слушательнице, с некоторой горечью.

– Это прадед твоего соседа? – Александра обмакнула в кружку с растворимым кофе большой кусок хлеба. – До чего занимательно... Ирония заключается в том, что он продал родовое гнездо этого наполеоновского ветерана именно русской...

– О, сосед о таких пустяках не задумывается! – небрежно отмахнулась Наталья. – Ему со мной повезло. Кто бы еще у него купил этот дом, кроме человека со стороны, который ничего о нем не знает...

– А что не так с домом?

– По слухам, тут нехорошо... – Наталья говорила бодро, но несколько наигранно. – У меня от этого дома мурашки по коже.

Александра, поставив кружку, откинулась на спинку стула, не сводя с хозяйки глаз:

– Ты всерьез?

– Я? – Наталья продолжала сохранять на губах неискреннюю улыбку. – Да я-то в эти глупости не верю! Но местным жителям нравится думать, что тут нечисто! И это, представь, немного действует на нервы! Я тут даже не живу, практически... Собиралась копать в саду, цветочками заниматься, воздухом дышать... Заметила, какой тут воздух? А вместо этого два года ючусь в квартирке-гробике, без воздуха, без лифта, на шестом этаже... Мотоциклы под окнами ревут всю ночь... Зато самый центр Парижа... Вокруг всегда люди... Не то, что здесь, в этой дыре!

– То есть, ты боишься тут жить?! Из-за каких-то местных легенд?!

Собеседница промолчала, но в ее глазах мелькнула тень испуга, которая окончательно убедила Александру в том, что ее догадка верна: Наталья боялась этого места. «А как она вдруг сдала за пару лет! – размышляла художница, сдвинув брови. Она уже без аппетита допивала кофе и отщипывала куски хлеба с сыром. – Ей же сорок пять, не больше... А как будто уже под шестьдесят. Глаза изменились, это главное... Взгляд тревожный, будто затравленный. И, по-моему, она очень рада, что находится сейчас в доме не одна! Но это же нелепо... Так духовно отравиться какими-то слухами...»

Наталья нарушила молчание первой. Откашлявшись, глядя в сторону, она спросила гостью:

– Ты тут ночевала... Как спалось?

– Отлично. – Александра улыбнулась, все еще надеясь обратить все в шутку. Ей никак не верилось, что Наталья чего-то боится всерьез. – Как младенцу в колыбели. Правда, с твоими удобствами я не разобралась, когда пыталась принять душ перед сном. Рассчитывала, что у тебя в гостях не буду так же мучиться, как в Москве, на своем несчастном чердаке... Знаешь, если подумать, моя мастерская – куда более нехорошее место, чем это... Вот там самое место для крыс, летучих мышей и привидений! Если они у меня еще не распоясались окончательно, то лишь потому, что им особенно нечем поживиться.

Она говорила весело, но собеседница хмурилась все сильнее, как будто подобное отношение ее раздражало. Наконец, не выдержав, Наталья резко, почти грубо перебила:

– Да при чем тут твоя мастерская в доме под снос! Крысы эти несчастные, летучие мыши... Наговорила сама не знаешь чего! Я бывала там у тебя, если помнишь, и в обморок от страха не падала!

– А здесь падаешь, хочешь сказать? – Александра была задета грубым тоном собеседницы, которую прежде знала как очень терпимого и вежливого человека. – Не верю!

Наталья не ответила. Встав из-за стола, она отвернулась и подошла к двери в коридор. Постояла на пороге, прислушиваясь. Александра, удивленная, осведомилась:

– Что там? Мы в доме одни!

– Показалось...

Наталья еще мгновение стояла на пороге, потом, внезапно ссутулившись, вернулась за стол. Она выглядела усталой, совершенно измотанной, и теперь, глядя на нее, Александра больше не сомневалась – в чем бы проблема ни заключалась, она действительно существует.

– Этот дом сводит меня с ума! – быстро, глухим шепотом проговорила хозяйка, глядя мимо гостьи, словно созерцая кого-то за ее плечом. Александра невольно оглянулась и тут же выругала себя за то, что поддалась наваждению.

– Послушай, – она старалась говорить твердо, – я убеждена, что в этом доме нет ничего особенного. Это просто старый дом. В нем может что-то скрипеть, рассыхаться, перекашиваться, ничего удивительного.

Наталья покачала головой, продолжая созерцать пустоту, будто боясь встретиться взглядом с Александрой.

– Понимаю, ты считаешь, я слишком впечатлительна... Но мы ведь с тобой давно знакомы, ты прекрасно знаешь, как я всегда относилась к подобным вещам... То-то и оно, что происходит такое, от чего я не могу отмахнуться!

Художница должна была признать ее правоту. Наталья в самом деле никогда не проявляла склонности к мистицизму. «От нее меньше всего можно было ожидать чего-то подобного, и все же... – Александра смотрела на старую знакомую с недоуменной настороженностью. – Как она изменилась!»

– Понимаешь, если бы мне сперва передали слухи, которые роились вокруг этого дома, а потом бы я уж заметила неладное, то сама бы решила, что это все моя впечатлительность... – Наталья на миг спрятала лицо в ладонях и, тут же отняв их, прямо взглянула на притихшую гостью. – Но произошло наоборот! Сперва я обратила внимание на какие-то странности... Потом уж не выдержала, стала расспрашивать соседей. И тут открылось такое! Допивай кофе, и я все тебе покажу.

...Она не торопила гостью, но завтрак закончился быстро. Александре уже кусок не лез в горло. Художница, все сильнее настораживаясь, шла за хозяйкой, присматривалась и прислушивалась. Она никак не могла отделаться от ощущения, что ее разыгрывают. Единственное, что убеждало в обратном, – поведение Натальи. Александра помнила ее веселой, почти легкомысленной женщиной, не любившей усложнять себе жизнь философскими вопросами, нравственными терзаниями. Наталья была обладательницей счастливой способности забы-

вать все дурное, ценить сиюминутные радости, жить одним днем. Она постарела не только внешне. Изменилась походка, изменился взгляд, и теперь Наталья выглядела подавленной, напуганной, неуверенной в себе женщиной. «Обычно такой плачевный вид имеют жены мужей-тиранов, несчастные мученицы, которых избивают за закрытой дверью и которые никому не смеют в этом признаться... – подумалось Александре. – Но ведь она свободна и независима... Как птица!»

– Вот здесь! – проговорила Наталья, выйдя из кухни и открыв первую же дверь по коридору. – Здесь я впервые поняла, какую покупку сделала... На свою голову!

За дверью обнаружилась маленькая комнатка с белыми оштукатуренными стенами. Вместо мебели в ней стояли пустые корзины с продырявленными ветхими боками, валялось несколько холщовых мешков, набитых, судя по всему, разнородным хламом. Дощатый пол, окрашенный тусклой красной краской, давно не мыли. В запыленное маленькое окошко виднелся залитый солнцем сад, освеженный ночным дождем.

– Смотри, эти вещи так и остались от прежних хозяев... – Наталья стояла локтем к локтю с гостьей, и та вдруг явственно ощутила сильную дрожь, пронзившую тело женщины, словно электрический разряд. – Я даже не заглядывала в мешки. Я сюда не захожу, во всяком случае, одна.

– И что же здесь случилось?

– Это было вскоре после переезда. Я вошла, как сейчас, стояла, осматривалась... Думала о чем-то совсем прозаическом, о том, как тут можно все обустроить. Комната рядом с кухней, небольшая, удобная... И вдруг услышала, как наверху кто-то пробежал.

Она повернулась к Александре и долгим взглядом уставилась ей в лицо. Художницу тоже передернуло, но не от слов рассказчицы, а от ее взгляда. Он был фиксированно неподвижен, лишен всякого смысла и одновременно полон страшного напряжения, как взгляд психически исковерканного человека.

– Понимаешь, крошечные детские ножки, быстро-быстро, – теперь Наталья почти шептала. – Как будто ребенок от кого-то убежал. И тут же все стихло.

– Так, наверное, это соседские дети... – пробормотала Александра. – Дидье сказал, у него есть маленькие сестры... Может, заскочили поиграть в своем бывшем доме?

– Представь, та же мысль возникла и у меня... – ответила Наталья после краткой паузы. – Сразу! И все-таки я почему-то испугалась. А когда поднялась наверх, там никого не оказалось. Я вышла в сад, заглянула к соседу через ограду. Машины не было. Вечером выяснилось, что они все куда-то уезжали и никто из детей просто не мог прийти ко мне в дом.

– Но тут есть и другие соседи...

Александра осеклась, вновь встретив этот взгляд, так ее пугавший.

– Другие соседи не согласятся войти в этот дом даже за деньги, – почти по слогам проговорила Наталья. – Они-то все отлично знают... Их с детства пугают этими историями.

– Это могла быть крыса... Большая водяная крыса! – упорствовала Александра. – Я видела на карте, тут в двухстах метрах Сена. Это могли быть собака, кошка, разохшаяся половица... Они издают иногда такие странные, совсем человеческие звуки. Я ведь сама живу в старом, умирающем доме... Иногда он стонет и кричит, как больной старик!

Но Наталья непреклонно качала головой.

Александра начинала всерьез раздражаться.

– То есть, ты мне сейчас пытаешься внушить, что на втором этаже бегало маленькое привидение? – уточнила она. – И потому ты не знаешь покоя в этом прекрасном месте и не решаешься в одиночестве входить в комнату?

– Это не все...

Наталья вернулась в коридор и, пройдя его до конца, поднялась по лестнице. Александра покорно следовала за ней. На втором этаже Наталья открыла дверь одной из комнат.

– Вот здесь я почувствовала чужое присутствие во второй раз. Я пыталась устроить тут спальню... Видишь, тут даже меблировка получше, чем везде... Я собирала по всему дому все более-менее пригодное.

И впрямь, это была самая обустроенная комната из всех, которые ночью осмотрела Александра, мучаясь бессонницей. Над кроватью даже висел простенький полог из небеленого холста. Платяной шкаф, угрюмый, как скряга, берегущий свои грошовые сокровища; корявый туалетный столик – изделие местного кустаря, на нем маленькое мутное зеркальце, прислоненное к стене... Эта комната все же больше походила на спальню, чем та, где художница провела ночь, и Александра вновь спросила себя, почему Дидье не привел ее на ночлег именно сюда.

– Я проснулась в первую же ночь, – рассказывала Наталья, остановившись посреди спальни. Она словно боялась сделать лишний шаг, чтобы не приблизиться к какому-либо из предметов обстановки. Немногочисленная мебель, казалось, наблюдала за ней с суровым презрением. – Где-то перед рассветом... Это было весной, ровно два года назад...

...Женщине, открывшей глаза в предрассветных сумерках, показалось тогда, что над ее кроватью, отодвинув полог, склонился какой-то человек. Спросонья она вскрикнула и села. Фигура, которую Наталья только что видела совершенно отчетливо, немедленно исчезла.

– Уснуть я уже не смогла... – Бледная, сосредоточенная, Наталья повернулась к Александре. Художница стояла у дверного косяка, слегка опершись о него плечом и скрестив руки на груди. Она молча слушала. – Да собственно, больше я уже в этом доме и не пыталась ночевать...

Установилась долгая пауза. Наталья явно ждала реакции слушательницы, а художница, не торопясь делать выводы, обдумывала каждое слово. Она видела, что ее ответ очень важен для старой знакомой.

– Послушай, это очень неприятно, конечно, что дом навевает тебе такие страхи, – произнесла она наконец. – Но то, о чем ты говоришь, мне тоже знакомо. Иногда нас будит какой-то звук или собственное движение во сне. Если мы резко просыпаемся, то, открыв глаза, иногда видим тени сна... Эти образы просто не успевают исчезнуть! Бывает мгновение, когда ты уже спишь и не спишь, сознание еще не перестроилось и ловит сигналы изнутри и снаружи... То же самое, когда мы засыпаем, – мы еще видим комнату, в которой находимся, и в то же время в ней уже появляются образы из начинающегося сна... Однажды через мою мансарду проскакал всадник... Прилетела птица, села на мою постель и запела... Это все сон, Наташа!

Но женщина покачала головой:

– Я знаю, о чем ты говоришь. Совсем, совсем не то! И полог был отдернут.

– Да ты сама его сдвинула во сне... – начала Александра, но хозяйка ее остановила резким отрицательным жестом:

– Я знаю все, что ты можешь мне сказать! Так вот, ты ошибаешься. Я спала спокойно и не трогала полог. Я вообще сплю спокойно... Спала до сей поры.

С этими словами она прошла мимо посторонившейся гостьи и, вновь оказавшись в коридоре, открыла дверь следующей комнаты, в которой Александра провела ночь:

– А вот здесь я и упала в обморок! – Наталья даже не вошла в комнату, осталась стоять в коридоре. – Представь... Я зашла сюда случайно, здесь ведь почти нет мебели, нечего прибирать, незачем возиться... Я не торопилась что-то покупать, не знаю почему. Меня все время что-то останавливало... Может, с самого начала казалось странным, что такой крепкий, хороший дом срочно продавался за сходную цену, что его еще не купили, как скупил почти все свободные дома в округе... Париж-то близко...

– И что же с тобой здесь такого страшного случилось? – Александра чувствовала, как ее сердце забилося быстрее.

– Вот, слушай... Я вошла в комнату и задумалась... Смотрела в окно, вспоминала Москву, мысли унеслись далеко... Дом был заперт, подчеркиваю. После тех двух случаев я запиралась не только на ночь, но и днем, хотя тут это не принято. Дело было уже к вечеру. И внезапно кто-то положил мне руку на плечо. – Помолчав, Наталья еле слышно добавила: – Когда я пришла в себя и поднялась с пола, в комнате никого, конечно, не оказалось. И в доме тоже. Я немедленно собралась и уехала в Париж. Ночевала в гостинице, утром стала искать квартиру... Конечно, прежний хозяин даже не подумал меня предупредить, что уже случилось в этом доме, в этой комнате! И что это вообще за комната! Он так и не разговорился, когда я стала задавать вопросы, мне все рассказал Дидье...

Видя, что гостья не отвечает, Наталья удовлетворенно кивнула:

– Ну вот, теперь и ты поверила.

– Видишь ли, – придя в себя, произнесла Александра, – в этой самой комнате я провела ночь... И со мной ровным счетом ничего не случилось...

– Однако на тебе сейчас лица нет! – почти с удовлетворением заметила Наталья.

– Совсем не потому, что мне страшно! – парировала художница.

И солгала: теперь и она ощущала страх, не определяемый словами, темный и бесформенный, как тень во сне. «Дидье сразу отвел меня в эту самую комнату... будто других не было! Зачем?!» Александра с трудом решилась озвучить свои сомнения.

– Почему сын твоего соседа устроил меня на ночлег именно здесь? – с напускной небрежностью спросила она, указывая на раскрытую дверь спальни. – Он что, решил меня испытать? Проверить, не упаду ли и я в обморок после визита вашего местного привидения?

– Кто знает! – хрипло ответила Наталья. – Кто их знает... Иногда у меня появляется подозрение, что они ждут, когда и со мной что-нибудь случится. Или с тобой. Им все равно с кем: им хочется, чтобы в этом доме снова кто-то погиб, как уже бывало... Я не шучу, Саша! – добавила она, встретив изумленный взгляд гостьи. – Увы, других объяснений у меня просто нет...

Глава 2

Александра и не ждала, что хозяйка прибывших из Москвы шедевров проявит к ним жгучий интерес, какой бывал в прежние годы. Но такого равнодушия она и предположить не могла. Наталья едва взглянула на папки, которые художница бережно доставала из раскрытого чемодана и раскладывала на кровати, застланной красным шерстяным одеялом. Женщины остались в спальне, где провела ночь Александра, – днем, по признанию Натальи, этот дом ее не так пугал. Кроме того, общество старой знакомой действовало на нее как успокоительное средство. Наталья слегка оживилась, уже не выглядела такой подавленной и даже начала улыбаться, хотя это была лишь тень прежней, легкомысленной улыбки.

– Рисунки, да... – Присев на кровать, она небрежно коснулась одной из папок, прочитала надпись на наклеенном ярлыке. – Сколько было волнений, когда ты боролась за них на аукционе в Кельне, как я переживала, что не смогла приехать туда сама... И как хорошо оказалось, что не приехала! Ты блестяще провела операцию, перехватила их у моего старого врага, который тоже охотился на «дегенеративное искусство»¹ и на «Бременскую Советскую Республику»²... А сейчас мне как будто все равно, есть они там, в папке, или нет их. На что мы тратим жизнь?

– Верно! – Александра закрыла опустевший чемодан и поставила его в угол. – Но у меня давно уже такое ощущение, что жизнь нам дана, чтобы ее тратить... Пока не растратим до того, что останется крошечный островок, на котором только и хватит места, чтобы сесть, схватиться за голову и сказать: «Что же я наделал?!»

– И мне впору так запричитать, – кивнула Наталья. – Все это я хочу продать. Не через аукцион, тут, рядом, есть человек, который согласен приобрести. Но только неофициально, из рук в руки.

– Это может быть опасно... Тебя могут обмануть!

– Вот ты и позаботишься, чтобы все прошло как следует!

Подойдя к окну, Александра облокотилась на выщербленный каменный подоконник и выглянула в сад. Раскисшие от обильного ночного дождя, заросшие дорожки терялись среди кустов, едва начинавших «оперяться» легкой зеленой дымкой. Воздух пьянил, как крепкий настой, сделанный на лопающихся почках и первых робких цветах, замелькавших в травяных бордюрах... От каждого вдоха кружилась голова, на языке оставался сладковатый вкус.

– Райское место! – вырвалось у нее.

Ответом была тишина. Обернувшись, Александра обнаружила, что Наталья сидит, подавшись вперед, опершись локтями о колени и спрятав лицо в ладонях.

– Ты плачешь?!

Та, помедлив, подняла раскрасневшееся лицо и взглянула на гостью измученными глазами:

– Смеюсь... Ты помнишь, кто испортил весь пикник в райском саду? Так вот, здесь он тоже появляется... Если бы ты хоть раз ощутила его присутствие...

¹ Дегенеративное искусство – термин нацистской пропаганды, принятый для обозначения авангардного искусства (импрессионизм, дадаизм, кубизм, фовизм, сюрреализм, экспрессионизм, Баухаус). Произведения немецких художников и скульпторов, творивших в этих направлениях, были изъяты из немецких музеев и с 1936 по 1941 год выставлялись в разных городах Германии, в качестве «антигерманского модернизма». Выставка имела огромный успех, и ее посетило рекордное количество людей.

² Бременская Советская Республика – пролетарская республика, наряду с Баварской Советской Республикой является одним из недолго существовавших революционных государственных новообразований в Германии 1918–1920 годов. Молодые художники-модернисты левых взглядов нередко принимали самое активное участие в работе Советов и впоследствии подвергались арестам и преследованиям.

– А у тебя не возникало мысли позвать священника, освятить дом и сад? – спросила Александра. – Вообще, так ведь часто делается после покупки...

– Здесь нет священника, – отрезала Наталья. – Здесь и полиции-то толком нет, отделение в соседнем городе. Это большая деревня. Тут, если ты заметила, кругом поля.

– Но в Париже...

Наталья остановила ее решительным жестом:

– Брось! Я знаю от Дидье, что еще до того, как я купила дом, когда в деревне была действующая церковь, сюда приезжал священник и все освящал. И ничего у него не вышло, как видишь.

– А что случилось с церковью?

– То же, что с ними происходит по всей Европе... Никто не ходит, содержать дорого и ни к чему – закрыли. Да вот, отец Дидье рассказывал, что у старшей дочери в католическом лицее в соседнем городе отменили ежемесячные встречи со священником. Раньше падре приезжал, беседовал с детьми, но вдруг оказалось, что это может оскорблять чувства мусульман... Которых в этом лицее нет! Так что, где я буду искать священника... Из Парижа везти? Так мне проще самой в Париже жить.

– Ну да, – кивнула Александра. – Уйти, хлопнуть дверью всегда проще, чем остаться и все исправить...

Наталья взглянула на нее исподлобья, словно проверяя, не смеется ли художница:

– Говорю тебе, освящать дом бесполезно. Не помогло тогда, когда хозяева во что-то верили, не поможет и теперь... Ты знаешь, я человек не религиозный.

– Однако в привидения охотно веришь... – Александра в самом деле едва сдерживала улыбку. – Наравне с соседями... Так что это за комната? И что случилось когда-то в этом доме?

...Все началось, по словам Натальи, вскоре после смерти первого владельца и строителя усадьбы, искалеченного наполеоновского солдата, дослужившегося в результате всех военных кампаний до полковника.

– Я говорила, что он вернулся из России с ампутированными ногами, – рассказывала Наталья. – Его ввели в деревню на телеге, укрытого соломой и одеялами. Тогда как раз во Францию повально возвращались ветераны-инвалиды, нищие, опустившиеся, ни на что не способные, кроме пьянства, воровства и попрошайничества. Эта саранча, которая отвыкла работать и приучилась мародерствовать, разоряла край. Им не были рады... Но полковник оказался сделан из другого теста, да и деньги у него водились...

...Для начала безногий инвалид удивил всех тем, что остановился не у родной сестры, которая жила с мужем в деревне, а в трактире, в съёмной комнате, куда его пришлось внести по лестнице на руках. Конюх, которому выпала эта честь, рассказал внизу, в зале, где посетители пили молодое вино и грелись у очага, что «полковник-то, хоть от него и осталась всего половина, чертовски тяжелый и весит куда больше, чем добрый христианин!»

– Видишь, с каких еще пор началась чертовщина! – бледно улыбнулась Наталья. – А ведь непонятная тяжесть объяснялась проще простого: на животе, в кожаном поясе, полковник согревал золотой клад... Много ли он весил без монет, никто не знает до сих пор, потому что взвешивать и считать эти деньги никому так и не пришлось.

...На другое же утро полковник послал за местным выборным старостой. Он пожелал купить участок на окраине деревни. О чем они говорили и как был вознагражден староста, неизвестно, но покупка совершилась с неслыханной в этих местах быстротой. Из соседнего городка явился нотариус, клочок земли был выкуплен у общины. Прежде там рос плодовый сад, но яблони и груши состарились и почти не плодоносили, их дряхлые ветви ломались от собственной тяжести. Деревья было решено целиком извести. За пару месяцев выстро-

или дом, который с тех пор так и называли – «Дом полковника». С обеих сторон скромного одноэтажного строения посадили молоденькие дубки. В саду проложили симметричные дорожки, по бокам которых высадили цветущие кустарники. Участок приобрел новый, строгий, ухоженный вид.

– Едва навесили входную дверь и привинтили к ней скобки с замком, полковник тронулся с места. Теперь у него был свой слуга, здоровенный парень, придурковатый, сильный, как бык, и преданный, как собака... Он снес полковника по лестнице в нижний зал трактира. Там ждали местные обыватели, которые все эти месяцы сгорали от любопытства, – о постыльном чеге уже только не рассказывали! И что он богат несметно, и что продал дьяволу душу в обмен на золото, и даже что его, безногого, кто-то встретил ночью на деревенской улице шагающим на двух ногах бодро, словно на императорском параде... Словом, его считали сущим чертом, ненавидели, завидовали и боялись.

...Вздорных слухов и пересудов было больше обычного еще и потому, что заносчивый полковник не пожелал даже на краткий миг встретиться с сестрой. Та, сперва испугавшись, что калека сядет ей на шею, не показывалась в трактире, зато уж после визита нотариуса, покупки земли и начала стройки немедленно прибежала... Но только что нанятый слуга полковника не открыл ей дверей комнаты. И в свой новый дом полковник тоже не пригласил сестру с семьей. Впрочем, гостей там не бывало ни на Рождество, ни на Пасху.

Полковник словно переродился: даже не кивнул ни разу никому из знакомых земляков, словно не узнавал их. К нему в новый дом попробовал попасть кюре, но не было ходу и кюре. Впрочем, судачили в округе, полковник еще в молодости, когда был простым крестьянским парнем, в церковь носа не казал, хотя тогда у него не было причин задирать нос, разве чтобы взглянуть, не собирается ли дождик. И хотя местные жители после страшных лет революции и террора сами благочестием не отличались и у каждого было на совести кое-что, все дружно осудили полковника и всюю придумывали небылицы на его счет.

– А уж когда он женился! – воскликнула Наталья. Ее саму увлекал рассказ, она, с воодушевлением жестикулируя, прохаживалась по комнате. – Тут уж полковник окончательно прослыл чертом! Лет ему было не так много, всего-то под сорок, ушел на войну он бедняком, вернулся богатым, жил сам себе господином, и хотя ног у него не было, но было золото, о котором шепталась вся деревня... Так почему бы ему и не жениться?

– И в самом деле? – поддакнула заинтригованная Александра.

– Дело в том, что невесте было всего семнадцать. Она приехала издалека, никто ее раньше не видел. Где ее встретил полковник, осталось неизвестным, может, нигде и не встретил, а все устроил нотариус – единственный человек, помимо старосты, который переступал порог «Дома полковника».

...Невеста оказалась хороша собой, молода и в довершение всего благородного происхождения. Хотя революция формально всех уравнивала, да и полковник добыл себе высокое положение, все же, по местным понятиям, это был неравный брак. Единственная дочь бедного пожилого дворянина, жившего чуть не впроголодь, она за недостатком средств воспитывалась дома незамужними тетками, оставшимися в девушках из-за своей вопиющей нищеты. Благодаря попечению этих состарившихся над молитвенником и пальцами дев невеста умела с грехом пополам читать, писать, рисовать цветы, не известные ни одному ботанику, петь и играть на клавесине. Если барышня бралась за иглу, то для самого тонкого рукоделия – вышить воротничок, починить старинное кружево... Она приехала с отцом прямо в свадебном платье, которое оплатил жених. Экипаж, украшенный белыми бантами, остановился у ворот «Дома полковника». Девушка вошла туда с отцом, а вечером экипаж отбыл, увозя старика домой. Брак был оформлен нотариально, в присутствии старосты. Церковь в это дело решили не вмешивать. Для деревни это было самым радикальным новшеством. Заговорили даже о том, не принял ли-де полковник ислам, когда сражался в Египте?

Не оттого ли он не может видеть местного кюре, старого добряка, ставшего за годы революции еще более терпимым к грехам своей паствы? Изумлялись и тому, почему невеста согласилась выйти за подобного жениха? Девушка была бедна, но красива, образована и родовита и могла бы в скором времени дожидаться предложения получше... Сошлись на том, что полковник околдовал и невесту, и ее отца – иначе эта странная и почти скандальная свадьба не могла бы состояться.

– Жили молодые замкнуто. Жена каждый год рожала: сперва родила дочерей-двойняшек, затем сына. Детей крестили в церкви, правда, отец на церемонии ни разу не присутствовал. Дурной репутации это не уменьшило. О семье говорили самые возмутительные вещи, несмотря на то, что та никаких поводов к этому не давала. Но самым главным оставался вопрос: откуда у полковника взялось несметное богатство? Другие ветераны вернулись нищими...

– А было ли там такое уж баснословное богатство? – спросила Александра. – Может, денег хватило лишь на то, чтобы купить землю и выстроить дом...

– Нет, Саша, было настоящее богатство! – возразила Наталья с таким обиженным видом, словно гостя своим замечанием задела ее лично. – Известны такие факты, что сомневаться в этом не приходится!

...Не прошло четырех лет после свадьбы, как полковник сильно захворал. Теперь в дом зачастил врач – человек уже очень пожилой, большой сплетник и охотник до всяких семейных тайн. Выдавал он эти тайны беспощадно, не вспоминая ни о какой врачебной этике, но другого эскулапа в округе не было, так что волей-неволей приходилось довольствоваться этой ходячей скандальной хроникой. Вот от него-то и стало всем известно, что полковник очень плох, не проживет и нескольких месяцев. Что он внезапно одряхлел не только телом, но и рассудком, несет сущий бред и все жалуется на то, что жена со слугой его обокрали и спрятали где-то в доме золото. Больной твердил и о том, что заболел он неспроста, что его травят, подсыпают ему и в пищу, и в питье, и в лекарство яд, от которого у него горит все нутро.

Деревня вскипела, как разворошенный муравейник. Люди бегали из дома в дом, разнося все новые ужасающие слухи о том, что творится в «Доме полковника». Теперь его даже жалели, зато досталось жене, о которой прежде дурного не говорили, и слуге, который был так туп, что о нем и говорить было нечего.

– Полковник умер, до последнего продолжая обвинять жену и слугу в пропаже золота и в отравлении. В деревне уже в голос говорили, что дело требует полицейского вмешательства. Теперь твердили, что полковник всю жизнь отличался необыкновенным умом, так отчего бы ему вдруг сойти с ума перед самым концом? Ведь болела-то у него не голова, а желудок! Сразу он стал и мудрецом, и ловкачом, и славным парнем, которого все знали с детства. А про то, что его величали чертом, дружно забыли.

– Обычное дело... – кивнула Александра. – Что ж его, правда отравили?

– Вскрытия не было. Полицию тоже, конечно, звать не стали, это были одни разговоры. Но вдове пришлось несладко.

...После смерти мужа вдова зачастила в церковь: при его жизни ее там видели только на крестинах детей. Кюре-то был совсем не против, чтобы богатая вдова участвовала своими пожертвованиями в общинных нуждах, но вот сама община взбунтовалась. От бедной женщины пересаживались подальше. Стоило ей появиться на пороге церкви, раздавалось шушуканье. Косые взгляды, намеки, ядовитые смешки прямо в лицо... Вскоре вдова перестала ходить в церковь и даже появляться за оградой своего сада. Соседи видели, как она с утра до ночи бродит по дорожкам, не замечая ни своих маленьких детей, гуляющих с няньками, ни слугу, окончательно отупевшего после смерти хозяина и превратившегося в прожорливое обрюзгшее животное. Соседи говорили, что вдова ищет в саду закопанное золото:

Господь де отнял у нее разум, как она отняла жизнь у мужа, и женщина забыла, где спрятала «клад полковника». Слугу никто ни в чем и не обвинял, глупо было бы предполагать, что у него хватит смекалки задумать и осуществить самый простой план. Вдова и впрямь имела вид помешанной. Она шептала что-то себе под нос, качала головой, грозила пальцем, дико озиралась, вытягивая шею и прислушиваясь. Потом перестала выходить из дома. А однажды утром слуга нашел ее повесившейся...

– Нет, не в этой комнате! – сказала Наталья, перехватив испуганный взгляд гостыи, устремленный на балки низко нависшего потолка. – Второго этажа еще не было. Она повесилась в кухне, на той самой балке, где прибит оловянный медальон.

– Господи помилуй...

Александр нехотая вспомнил, как она сама едва удержалась на покачнувшемся стуле, подбираясь к той балке. «А ведь бедная женщина тоже, должно быть, встала на стул, и он под ней качался на неровном полу, когда она надевала петлю на шею...»

– А как же дети? – сдавленным голосом спросила она.

– Детей взяла на воспитание сестра полковника, та самая, которую он не желал видеть и не пускал к себе на порог. Она сделала доброе дело не без задней мысли. Сперва, оказавшись за хозяйку, обшарила весь дом и велела перерыть сад под предлогом того, что нужно сажать новые плодовые деревья, – желудями и цветами сыт не будешь и на сидр они не годятся! Золота, однако, не нашли. Нотариус сообщил, что, согласно брачному контракту и завещанию покойного и его жены, их имущество было общим и в государственных ценных бумагах давало небольшую пожизненную ренту троим детям. Остался еще дом и вот этот самый клочок земли... И бесконечные байки о «кладе полковника» – тут это стало местной присказкой. Так и говорили: «Эх, если бы мне клад полковника, я бы купил соседнее поле!», «А я бы женился!», «Я бы выдал замуж дочерей! Отправил бы сына в Париж! Зажил бы припеваючи!»

– Но золота так и не отыскали?...

– А его с тех пор, можно сказать, и не искали вовсе... За исключением того раза, когда решили перестроить дом.

...Со слов Дидье, детально передавшего Наталье всю семейную хронику, дом перестроили уже в середине девятнадцатого столетия. Дети полковника благополучно выросли, сын уехал в Париж, дочери остались в деревне. Одна вышла замуж, другая осталась при ней в качестве компаньонки и даровой няньки для детей. Муж дочери полковника был коммерсантом, довольно удачливым. Он-то и решил надстроить второй этаж: как немедленно решили в деревне, чтобы иметь повод разобрать старый дом по доскам и отыскать-таки золото!

– Нашли или нет, осталось неизвестным. А известно то, что коммерсант вскоре после завершения этого предприятия стал сильно прихварывать. Как нарочно, он страдал сильными желудочными коликами, а вскоре у него отнялись ноги... Он сделался точной копией полковника в последние месяцы жизни. Лежал в постели, вот в этой новехонькой комнате, жаловался, брюзжал и внезапно скончался, хотя врачи пророчили ему еще долгие годы мучений. На местных жителей это произвело сильное впечатление. Они были уверены, что полковник приходил отнять у него свое золото!

– Если ты мне скажешь, что его вдова повесилась...

– С вдовой ничего не случилось, она дожила до преклонных лет, воспитала и вырастила детей, внуков... – с усмешкой сообщила Наталья. – А вот ее сестра умерла вскоре после смерти зятя. Как-то утром ее нашли на полу, в этой самой комнате...

Женщина демонстративно постучала ногой по коврику, связанному из цветастых тряпочек.

– Что она тут делала, осталось неизвестным, ее комната была в другом конце коридора. Она лежала на спине, уже застывшая, с открытыми глазами и разинутым ртом, словно перед

смертью попыталась крикнуть и не смогла. Ее лицо, по рассказам тех, кто ее видел, было так ужасно, что в гробу пришлось закрыть его платком, хотя никаких признаков насильственной смерти не было. И конечно, в деревне уже только и говорили о том, что полковник снова искал свое золото.

– Отчего же она умерла? – теперь Александра была очень серьезна.

– Как знать... – загадочно произнесла Наталья. – Деревенские жители лечатся только от самых тяжелых и совсем уж явных болезней. Может, у нее было больное сердце... Хотя ее сестра-близнец прожила до девяноста лет и умерла совершенно здоровой, во сне, мирно, с улыбкой на губах. В деревне говорили, что полковник перепутал их и вместо жены коммерсанта, искавшего золото, убил ее невинную сестру.

– Однако... – протянула художница. – Это... неприятно.

– Было бы просто неприятно, если бы это на этом история заканчивалась! – Наталья торжествовала победу, видя, что ее рассказ производит на слушательницу должное впечатление.

...Загадочные смерти в «Доме полковника» на этом не закончились. Уже в Первую мировую войну все вновь вспомнили былые страхи, связанные с этим местом. На фронт ушли праправнуки полковника – трое молодых людей. Вернулся из них только один... Без ног, с сожженными легкими. Говорить он не мог – стоило бедняге вдохнуть воздух поглубже, как его грудь раздирал ужасающий кашель, нажитый после атаки отравляющими газами. Инвалид прожил недолго и скончался на руках матери и сестры. На доске в местной церкви появилось его имя. Сестра после войны вышла замуж и уехала жить в соседний город. Мать осталась в доме одна.

– Тогда и началось!

...То, что женщина после смерти любимого сына была не в себе, заметили давно. Она еще появлялась в деревне, заходила в церковь, покупала хлеб в лавке, но уже не говорила ни с кем ни слова. Всегда в черном платье, в поношенной черной шляпке с облезлым пером, безмолвная, с остановившимся взглядом – эта рано состарившаяся вдова и осиротевшая мать была страшна в своем одиноком горе, которое ни с кем не желала делить.

Вскоре стали замечать неладное. В «Доме полковника» по ночам во всех окнах горел свет – и на первом, и на втором этажах, словно там ждали гостей. В деревне издавна существует обычай не держать лишнего света, по старой привычке к экономии и из страха перед пожаром. Свет среди ночи жгли городские дачники, мало-помалу появлявшиеся в округе, но чтобы так расточительно вела себя местная уроженка, да еще правнучка знаменитого полковника...

Однажды мальчишки осмелились пробраться в сад, пользуясь тем, что вдова не держала собаку. Прикрывшись к окнам первого этажа, они рассмотрели внутри такое, от чего пришли в ужас. Они бежали прочь и остановились не раньше, чем оказались на другой окраине деревни. Мальчишки рассказывали всем желающим (а таковых было много!), что в кухне оказалось полно народу! Они видели всех трех сыновей вдовы: старшие, оставшиеся на войне в безымянных могилах, были в военной форме, младший, безногий, в полосатой пижаме полулежал в кресле, закрыв глаза, как и в конце жизни. Была там и двоюродная бабка вдовы, та самая, которую нашли в верхней спальне мертвой, – еще совсем молодая женщина, с вязанием в руках, с которым ее всегда видели при жизни. Был там и покойный коммерсант, дедушка нынешней хозяйки дома. Он тоже сидел в кресле, укутанный в одеяло, мрачный, как в последние дни жизни.

– И конечно, мальчишки увидели самых первых обитателей дома, родоначальников семьи, можно сказать! – почти шепотом добавила Наталья. – Полковника и его жену... У полковника, говорили они, был взгляд, как у дьявола! Это до чего надо испугаться подрост-

кам, детям военного времени и повального безверия, которые ценят одни уже только материальные блага, чтобы вспомнить дьявола!

– Вот теперь и мне страшно, по-настоящему... – Александра ощущала, как вдоль позвоночника пробежала ледяная змейка. – Послушай... Все, что ты рассказывала раньше, я воспринимала как деревенские рассказы. А вот это – нет. Это я сейчас как будто увидела сама...

Наталья кивнула:

– Деревню это потрясло. Поверили все, кто еще не верил! Ведь мальчишки-то не помнили прежних обитателей «Дома полковника», а описали их со всеми подробностями! Люди шептались, сверяли рассказ с тем, что слышали от отцов, от дедов... Все приметы сходились. Мальчишки видели то, что видели!

...К дому больше никто не осмеливался приближаться даже днем. Вдова сделалась для односельчан хуже прокаженной. Завидев на улице ее черную, словно обугленную фигуру, все разбегались, возвращались в свои дома, переходили на другую сторону улицы. Вряд ли несчастная женщина замечала это. Она была поглощена своим горем и одиночеством. Опустив глаза, она вымеряла шагами серые булыжники мостовой с такой тщательностью, словно читала молитвы по четкам. Однажды зимним утром она упала в обморок, в лавке, где закупала скудную провизию для своих одиноких трапез. У вдовы отнялся язык, парализовало все тело. Ее отнесли в «Дом полковника», причем для этого понадобилось куда больше провожатых, чем требовал ее ничтожный вес, – женщина, по отзывам односельчан, весила «не больше цыпленка». Просто всем захотелось увидеть знаменитый дом, куда долгие годы никому не было хода, изнутри.

– Они увидели примерно то же, что и ты, – сделав широкий жест, словно вбирающий весь дом, произнесла Наталья. – С тех пор тут ничего и не изменилось. Та же мебель, те же стены, окна, двери и полы...

– Безликий дом! – эхом откликнулась Александра. Ее вновь передернуло.

– Да, верно... Дом без лица, словно у него и истории никакой нет. А между тем это только видимость!

...За три дня, пока вдова лежала в агонии, «Дом полковника» посетили последовательно: врач, нотариус, священник. С равным результатом – женщина ни с кем не говорила, никого не узнавала. В доме толкались участливые соседки, которых оказалось великое множество. Перебиралось содержимое бельевых шкафов, открывались кладовки, развязывались мешки, выдвигались ящики... Не только следа знаменитого «клада полковника» – следа прожитой в этом доме многими поколениями жизни найдено не было.

– Ни бумаг, ни семейных реликвий, ни ценностей... Ни старых писем, ни фотографий – ничего ровным счетом...

– Но как это могло случиться? – недоумевала Александра. – Она все уничтожила?

– Скорее всего, так и произошло. Вдова была не в себе, это признавали все. В ее рассудке сильно сомневались. Ее дочь, приехавшая из соседнего городка, единственная наследница всего имущества, сама подтвердила, что ее мать была после смерти сына очень странной и иногда говорила безумные вещи.

– Пусть несчастная женщина была странной... – медленно, раздумывая над каждым словом, проговорила Александра. – Потерять трех сыновей – впору сойти с ума! Пусть в этом доме случилось несколько похожих смертей... Смерти так или иначе похожи друг на друга, ты не замечала?

– Мне нечасто случалось об этом думать, пока я не поселилась здесь! – передернула плечами Наталья.

– Тут задумаешься! – кивнула художница. – Из всего, что ты рассказала, я сделала один вывод: история этой семьи была трагической, странной, непонятной. Но умирали эти люди от вполне естественных, натуральных причин.

– Мистику, проклятие, связанное с наживой на войне главы рода, ты исключаешь?

– Полностью! – решительно заявила Александра. – Я только могу допустить, что почерк судьбы этой семьи не менялся... Повторялись ситуации, болезни напоминали одна другую, даже ранения и операции... Но умирали в этой семье не оттого, что видели призрак полковника. В этом ты меня не убедишь никогда!

Наталья провела рукой по лбу, медленно, вяло, словно потревоженный во сне человек, пытающийся отгородиться от вторжения яви.

– Отчего же тогда они умирали?

Паузу, повисшую после вопроса, разорвал гудок, раздавшийся за оградой сада. Встрепенувшись, женщины, не сговариваясь, подошли к окну.

– Дидье вернулся из города... – сказала Наталья, указывая на красный мопед, который оседлал всадник в шлеме. – Сейчас придет сюда, за деньгами. У него сегодня зарплата. Будь спокойна, этот стервец своего часа не пропустит...

– Очень милый молодой человек! – улыбнулась Александра. – Я бы, пожалуй, сказала, прекрасный молодой человек... Если бы он не поместил меня на ночлег в этой комнате! Быть может, он не знал?...

– Дидье?! Он знает все! – отрезала Наталья, не отрывая взгляда от красного мопеда. – Это достойный праправнук знаменитой «безумной вдовы». Стервец сделал это нарочно, чтобы потешиться, если ты вдруг помрешь от ужаса... Они тут не очень-то жалуют чужаков, знаешь ли! И вот что еще...

Она сделалась очень серьезной.

– При нем, пожалуйста, не говори обо всем этом ни слова! Не хочу, чтобы они думали, что я... что я боюсь!

Обедать собирались втроем. Дидье, получив деньги, остался работать в саду. Пока он чистил клумбы, пострадавшие от ночного ливня, убирал опавшие ветки и прошлогодние листья, посыпал раскисшие дорожки гравием, сновал с тачкой из угла в угол сада, Наталья готовила обед. Александра предложила ей помощь, но хозяйка, взглянув, как неуклюже та взялась чистить картошку, мгновенно отказалась:

– Ну нет, твои руки к таким низменным занятиям не приспособлены! Твои инструменты – кисти да мастихин. Поди-ка лучше, прогуляйся, полюбуйся на мои владения. Не заблудишься, они невелики...

И в самом деле, сад оказался гораздо меньше, чем померещилось художнице ночью, когда она шла снаружи вдоль его ограды. Остановившись на главной дорожке перед домом, она могла окинуть сад одним взглядом, от ограды до ограды. «Но летом, когда деревья покрываются густой листвой, кустарники разрастутся и вся перспектива изменится, он наверняка выглядит куда обширнее! Можно даже представить, что на этих извилистых дорожках легко заплутать...»

Дорожки, скользкие от дождя, и впрямь отчаянно плутали между клумб, кустов и яблоневых старых деревьев. Свернув несколько раз, Александра остановилась и, повернувшись к дому, поискала взглядом те два раскидистых дуба, которые значились на старом медальоне и о посадке которых упомянула в своем рассказе Наталья. Но деревьев не оказалось. «Как жаль, – подумала художница. Отчего-то она не сомневалась, что увидит старые дубы на прежнем месте. – Значит, они отжили свой век... Их спилили...»

Дидье, разравнивавший граблями очередную порцию гравия на соседней дорожке, поднял голову, смахнул прилипшую ко лбу взмокшую белокурую прядь и улыбнулся художнице.

– А где же дубы? – спросила она, указывая на углы дома.

– Какие дубы? – удивился юноша.

– Да те, которые были тут раньше... Посаженные при постройке дома! Они еще изображены на медальоне, том, в кухне...

– А, наш старый медальон! – догадался Дидье. – Так тех деревьев уже давно нет. Они сломались во время урагана, упали на крышу, наделали беды, их спилили по частям... Я тогда был совсем маленький, но хорошо это помню. В крыше были такие дыры!

Расставив испачканные землей руки, он с ясной детской улыбкой показал, какого размера были дыры.

– И дождь лил прямо мне на постель! Пришлось спать внизу, в кухне, пока крышу не перекрыли заново.

– А чем плохо спать внизу? – заразившись его беззаботным весельем, улыбнулась в ответ женщина.

– Внизу больше мышей! – задорно ответил Дидье и рассмеялся. – Не верите? У нас был тогда пес, он ночевал со мной в одной комнате. И всю ночь охотился: душил мышей, носил их мне на постель. Складывал на подушку... Так вот, внизу он совсем перестал спать, всю ночь за ними гонялся...

– За мышами? – Все еще улыбаясь, женщина торопливо обдумывала, как расспросить парня, не нарушив обещания, данного Наталье, – избегать опасной темы. – А больше никого твой пес не чувствовал?

– Иногда он гонял соседских кошек...

– В таких старых домах могут водиться и привидения!

Произнеся эти слова, Александра сделала паузу, глядя в глаза собеседника с нарочитым спокойствием. Дидье, как ей показалось, смешался. Первое мгновение он не нашелся с ответом, его жизнерадостная улыбка померкла, взгляд затуманился. Наконец, справившись с собой, парень очень серьезно спросил:

– Вы что-то видели ночью?

«Он спросил именно „видели“... Не „слышали“, не „чувствовали“...» – Александра также не торопилась с ответом. Она ощущала его значимость, уж очень внимательно смотрел на нее Дидье.

– Так... – уклончиво произнесла она. – Плохо спалось. Я еще подумала, что в таком старом доме должно было много всякого случаться... Старые дома, старые вещи, картины – все они имеют свои истории. Часто – скверные. Новые хозяева иногда поздно их узнают.

Дидье отставил грабли, прислонив их к стволу яблони, отряхнул руки об испачканный брезентовый фартук.

– Это вам Наталья рассказала?

– Она мне ничего не рассказывала, – солгала Александра. – Просто я занимаюсь торговлей антиквариатом, вот и задумалась на эту тему... Незнакомый старинный дом... Пустой, нежилой. Мне было не по себе этой ночью.

– А я, знаете, никогда ничего тут не боялся, – после краткой паузы смягчившимся тоном произнес Дидье. – Это дом моего прадеда... Он, знаете, построил его двести лет назад, когда вернулся из Московского похода! Он воевал в России! Тот медальон, который вы видели, знаете, из чего сделан?

– Из олова? – предположила Александра.

Парень, чрезвычайно довольный, кивнул:

– Точно! Из оловянных пуговиц с его мундира! Когда прадед был в России, там стояла страшная зима... Он отморозил ноги, их отняли уже после переправы через Березину. Ему повезло попасть в лазарет, где сделали операцию. Потом он несколько месяцев провалялся в крестьянском доме, пока не пошел на поправку... Мороз в России был такой, что пуговицы на мундире трескались и рассыпались. Несколько уцелело. Прадед их сохранил и, когда вернулся, велел раскрошить и отлить из них памятный медальон.

– Любопытно... Олово действительно не выносит мороза, – задумчиво сощурилась Александра. – Но ваш прадед, вероятно, привез с войны кое-что более ценное, чем раскрошившиеся пуговицы? Чтобы построить дом, требовалось не олово, а золото...

Но парень, ничуть не смущаясь, пожал плечами:

– Он болтать не любил, мой прадед... Конечно, у него имелось с собой кое-что, когда он вернулся! И хитрый же он был! А везучий! Ведь простым солдатом ушел с Наполеоном в Египет, еще в тысяча семьсот девяносто восьмом году! А в солдаты подался из крестьян, потому что дома у него ни гроша не было: он сам – младший сын, а отец не соглашался поделить поле между ним и старшим братом. Казалось бы, ну кто он был такой?! А в Россию прадед отправился уже полковником!

– Он был незаурядным человеком... – Александра уже поняла, что фигура предка являлась для молодого человека чем-то вроде фетиша. – И очень крепко держался за жизнь! Подумать только: пройти такой путь, участвовать в таких сокрушительных военных кампаниях, выжить, вернуться, построить дом, завести семью...

– О, прадед был необыкновенным... Правда! – Дидье расцвел, словно похвалили его самого. – И совсем не стремился к славе... После египетской кампании он служил далеко отсюда, в глуши, хотя мог бы, как многие делали, напомнить Бонапарту о своих заслугах в Сирии и получить парижский гарнизон... Он вернулся сюда только после Московского похода, когда от него осталась половина, чтобы умереть на родине... Ведь он остался простым крестьянином из здешних мест!

Юноша порозовел от волнения и говорил вдохновенно, не стесняясь высокопарных фраз, вероятно слышанных от третьих лиц. Александра не удивилась бы, узнав, что легендарного полковника вспоминают в этой местности на разных официальных мероприятиях, во время национальных праздников. «В День взятия Бастилии, например!»

Парень, судя по всему, мог бы рассказывать о деде бесконечно, но в этот момент в доме на первом этаже с треском открылись створки окна. В темном проеме появилась Наталья.

– Обедать! – позвала она.

Глава 3

Дидье ел по-юношески жадно, отправляя в рот большие ломти хлеба, которыми вытирал с тарелки подливку. Выпив два стакана вина, он раскраснелся и начал говорить громче. Обращался парень в основном к госте. Хозяйка, облокотившись о столешницу, курила сигарету за сигаретой, почти не притрагиваясь к еде, и слушала, вмешиваясь лишь изредка.

– Мой прапрадед – самый известный человек в округе! А этот дом – самый знаменитый дом! – рассказывал парень. – Спросите про «Дом полковника», вам всякий местный житель расскажет...

– Расскажет-расскажет... Но только если спросишь, – Наталья, взглянув на молчавшую приятельницу, улыбнулась уголком рта. – Первые они об этом не заговорят!

– А зачем? – легкомысленно откликнулся Дидье. – Вы упрекаете отца, что тот ничего не сообщил агенту об истории дома... Так ведь агент и не спрашивал! Он искал для вас старый, но крепкий, вместительный дом с садом, по такой-то цене... И вы получили его!

Наталья сделала отрицательный жест, словно желала возразить, но, промолчав, отвернулась к окну. Щурясь на яркое солнце, женщина как будто следила за тем, как по дорожке скачут воробьи. Дидье продолжал, обращаясь к госте:

– А еще «Дом полковника» называют иногда «Домом сфинксов»! Вы видели каменных сфинксов у северных ворот?

– Ночью видела... – кивнула Александра. – При дневном свете еще не успела рассмотреть. Так эти две фигуры – сфинксы? И насколько старые?

У художницы сильно забилося сердце, как всегда, в предчувствии возможного открытия или ценной находки.

– Ваш предок привез их из египетского похода?

Александра уже собралась подняться из-за стола, чтобы немедленно осмотреть изваяния, но Дидье ее остановил:

– Нет, они совсем не такие старые, и вовсе не из Египта! Прапрадед раздобыл их тут, неподалеку... Это было единственное украшение, которое он себе позволил! Хотя и дом мог выстроить пошикарнее, и сад разбить в несколько раз больше... Но он жил, как привык, – маленький домик, клочок земли...

– Этот дом похож на тот, который построил бы себе состоятельный крестьянин! – согласилась Александра. – Так откуда сфинксы, если не из Египта?

Наталья, поднявшись со стула, шире распахнула створку окна и указала вглубь сада:

– Они европейского происхождения. Взгляни, отсюда хорошо видно одного... Сфинкс не египетский. У него крылья и на голове не платок, а высокая прическа. Это парковая скульптура восемнадцатого века. Французская или итальянская...

– Их купили и установили здесь, когда был построен дом! – Дидье тоже встал и отворил дверь в сад. Стоя на пороге, он обернулся к Александре. Его светлые волосы, пронизанные солнцем, казалось, смеялись так же, как глаза и губы. – Поместье тут, по соседству, как раз продавалось. Замок после революции превратился в развалины, его сожгли и разграбили... Там была большая мраморная лестница, из нее вынули все плиты и выложили ими пол в мэрии. Остались скульптуры в парке, их почему-то не тронули. Последний владелец бежал и где-то сгинул... Когда из эмиграции явились какие-то дальние обнищавшие родственники, они сразу продали поместье. У них не было денег не только на то, чтобы его восстановить, но и на новые штаны! – Дидье говорил с превосходством торжествующего победу простолюдина, которому приятно лишний раз унижить попавшего в беду аристократа. – Мой прапрадед перед продажей ездил туда полюбопытствовать и совершенно случайно купил этих сфинксов...

– Но это украшение слишком... – Александра замялась, и Наталья ей помогла:

– Не вяжется с общим стилем дома, я тоже так считаю. И я сперва не поняла, к чему здесь сфинксы? Простой деревенский дом, и вдруг эти каменные изваяния из регулярного парка! Но потом мне стало казаться, что в этом есть свой смысл...

– Да прапрадед просто узнал, что их можно купить, не покупая поместья, и решился, – простодушно пояснил Дидье. – Он ведь воевал в Египте! Как бы в память об этом и поставил здесь сфинксов... Ну, мне пора, девчонок надо забрать из школы!

Поблагодарив за обед, он попрощался с женщинами и побежал через сад. Вскоре за оградой застрекотал мотор красного мопеда. Последний взмах руки – и Дидье скрылся за углом. Наталья, переступив порог, поманила за собой замешкавшуюся приятельницу:

– Идем, покажу тебе сфинксов. Они довольно странно смотрятся у этих ворот... Память о египетском походе! Смех и грех!

Сфинксы, которые ночью показались художнице огромными каменными псами, в ярком свете дня выглядели вовсе не угрожающе. То были мирно лежащие мифические чудовища из серого песчаника, с телами и лапами львов, со сложенными на спинах крыльями орлов и с андрогинными, то ли мужскими, то ли женскими лицами. Художница отметила, что лица у сфинксов были разные. Лицо правого наделено усредненной античной правильностью, щедро растиражированной во времена героического ампира. Оно было грубее по исполнению и казалось старше, чем лицо левого сфинкса, которого скульптор наградил юной лукавой красотой и загадочной этрусской полуулыбкой. У него были незначительные черты, которые забываешь, едва отведя взгляд, и узнаешь, едва увидев вновь. Склонившись над ним, Александра ласково похлопала ладонью по прохладной пористой спине:

– А они вовсе неплохи... Не знаю, который лучше!

– Во всяком случае, они оба лучше, чем этот дом. – Наталья тоже провела пальцами по лицу ближайшего к ней сфинкса и тут же отдернула их, словно обожглась. – Агент прислал их фотографии, когда я выбирала особняк. Не то чтобы это определило выбор... Но в общем, когда я колебалась между несколькими домами, более или менее одинаковыми по возрасту и цене, я вспомнила про эти снимки... Сфинксы придавали всему такой колорит... Здесь есть еще южные ворота, точно такие, как эти, но ничем не украшенные. Они вечно заперты. Так вот, они бы у меня в памяти не остались... Нечему оставаться!

– Да, это узнаваемый элемент... – кивнула художница. – И к цене дома они что-то, конечно, должны добавлять... Но ты говоришь, дом продавался недорого?

– Очень недорого! – Наталья выделила интонацией слово «очень». – Дешево, я бы сказала... Идем, прогуляемся немного. Ты убедишься, какая это милая деревенька...

Улица выглядела мирно, как спящая на солнцепеке кошка. Слегка изогнутая, она, казалось, потягивалась во сне. За оградами, частично решетчатыми, частично сложенными из камня, дремали весенние сады. Под ногами женщин по неровным булыжникам мостовой лениво струился ручеек, вытекающий из-за поворота. Свернув туда вслед за своей спутницей, Александра обнаружила, что вода бежала из отвернутого чугунного крана старой колонки. Дидье, беззвучно смеясь, пытался оттащить от крана уже насквозь помокшую девочку лет четырех, такую же яркую блондинку, как он сам. Две другие девочки, постарше, одна лет восьми, другая подросток, выгружали из обшарпанного серебристого фургончика пакеты с покупками.

Завидев женщин, вся четверка хором их приветствовала. Дидье выдернул наконец младшую сестру из-под колонки и, подхватив ее под мышку, как большую куклу, внес в калитку, на ходу крикнув Наталье с Александрой:

– Одна и та же история!

Старшие сестры заметно смущались, и обе улыбались, не зная, что сказать. Подхватив пакеты, они тоже исчезли в калитке, бросив ее открытой. Фургончик остался стоять нараспашку. Улица была такой узкой, что распахнутая дверца мешала пройти по тротуару. Женщины спустились на мостовую и двинулись дальше. Александра с любопытством взглянула на дом, где скрылись дети. Каменный, одноэтажный, он был на вид очень маленьким и больше походил на флигель.

– Как они все там помещаются? – вслух подумала художница.

– Делавини? – переспросила Наталья, также бросая взгляд поверх низкой решетки, окружавшей сад. – Дом тесноват, правда, а они там впятером. Ну, дети когда-нибудь разьедутся... Хотя кто знает? Дидье, по европейским меркам, давно уже пора выпархивать из гнезда, а он все дома да дома...

– Четверо детей, с ними отец, ты говорила... А мать что же, умерла?

Александра почти не сомневалась, что услышит положительный ответ, потому что не могла вообразить иной причины, по которой мать могла бы покинуть четверых детей... Но Наталья молча покачала головой.

– Неужели ушла?! – От неожиданности художница остановилась.

– Мадам Делавинь находится в психиатрической больнице, – отрывисто произнесла Наталья. Ее голос звучал так натянуто, словно эти слова с трудом срывались у нее с языка. – И, похоже, она оттуда не скоро выйдет.

– Какой ужас... – выдохнула художница.

Ясный весенний день словно померк, хотя солнце по-прежнему светило, сверкая в луже, разлившейся вокруг колонки, где только что резвилась белокурая девочка. Обходя лужу, чтобы не промочить мокасины, Александра со сжавшимся сердцем спросила:

– Когда же это случилось? Малышке не больше четырех лет... То есть, мать попала в клинику не так давно?

– Ее увезли туда, когда младшей девочке был год с небольшим... – ответила собеседница. – И семья тут же переехала из прежнего дома во флигель. Сады разгородили, а прежде это было одно целое владение. Дом выставили на продажу... Но продать его, несмотря на заманчивую цену, удалось далеко не сразу, только через полгода... И купила я, иностранка, через посредника... Вот, два года тут маюсь...

– Зачем им потребовалось так спешно переезжать? Отцу пришлось бросить работу, чтобы сидеть с детьми? Денег не хватало?

Наталья остановилась, уперев руки в бока, словно готовясь к драке:

– Да ты что же, не понимаешь?! В самом деле не видишь связи между тем, что с ней случилось, и тем, что сейчас творится в этом проклятом доме со мной?!

– Погоди... – Александра чувствовала, как у нее немеют губы. Теперь и она говорила с трудом. – Ты хочешь сказать, мать этих детей тоже что-то чувствовала и потому сошла с ума?! Но ведь это невозможно...

Слова замерли у нее на губах. Собеседница так побледнела, что Александре показалось – та вот-вот упадет в обморок. Художница схватила Наталью за руку. Пальцы у нее были ледяные, негнущиеся, словно неживые.

– Она что-то видела в доме? – негромко осведомилась Александра, невольно воспользовавшись выражением Дидье.

– Увы... Вечером бедняжка легла спать в одной комнате с младшим ребенком. – Наталья не сводила с художницы потемневших почти до черноты глаз. – Девочка прихварывала. На другое утро дочка спала допоздна, ей стало лучше... А женщина выглядела так, будто провела всю ночь без сна. И это была только первая ночь. Дальше хуже. Она стала заговариваться... Вовсе прекратила спать, боялась входить в дом, принялась бродить ночами по саду, совсем как...

– Вдова полковника, – тихо закончила фразу Александра.

Мимо женщин по улице прополз небольшой грузовичок. Автомобиль ехал медленно, в открытом кузове виднелись туго набитые мешки из синей синтетической рогожки. Он направлялся вглубь полей по гравиевой насыпной дороге. Вдали, в полукилометре от последнего дома деревни, виднелось приземистое темное здание, очевидно, сложенный из камня старый амбар. За ним вдоль всего горизонта тянулась полоса зарослей.

– Там, за ивами, река, – поймав взгляд Александры, тихо сказала Наталья. – Это было бы совсем райское место, ты права... Если бы...

– И что же говорят врачи? – спросила художница, следя за тем, как грузовичок удаляется по дороге к реке. – Почему бедняжку решили отвезти в клинику? Ведь у нее могли просто сдать нервы... Пропал сон, ничего странного! Все-таки четвертый ребенок! Она устала... У нее могла начаться депрессия, наконец!

Наталья, слабо улыбнувшись, взяла ее под руку:

– Идем, я покажу тебе реку.

Когда они двинулись по гравиевой дороге, вслед за еле ползущим грузовиком, Наталья заговорила еще тише, словно опасаясь, что их подслушают, хотя вокруг были только согреты солнцем зеленеющие поля.

– Депрессия или нет, но она стала всерьез утверждать, что ночью в ее комнате появился призрак. Она не понимала, мужчина это был или женщина, но видела его ясно!

– У призраков пола нет! – возразила Александра.

– Бедняжке-то это было все равно... У нее начался бред. В больнице ее удалось немного успокоить, она пробыла там пару месяцев... но стоило вернуться домой, как все началось снова!

– Она опять видела призрак?

– Непонятно. Мадам Делавинь утверждала, что видела, но ведь с ней уже было неладно после того потрясения... Однако, когда она увидела призрак в первый раз, никаких странностей за ней не водилось! Это была абсолютно нормальная женщина. Вот тебе еще одна жертва «Дома полковника»...

Александра остановилась и высвободила руку. Глядя в лицо спутницы, она почти по слогам проговорила:

– Эта бедная женщина – жертва нервного расстройства!

– И я, значит, тоже? – сорвавшимся голосом поинтересовалась Наталья.

– Не знаю. – Художница с трудом выдержала ее тревожный взгляд. – Но если ты не обратишься к врачу и не расскажешь о своих переживаниях, то вполне можешь стать следующей жертвой этого дома, почему нет. Как ты не понимаешь, что дом просто связан с историями, которые пагубно действуют на человеческую психику?! Я вот ничего не знала и спала прекрасно в самой нехорошей, по твоим словам, комнате.

– Я тоже ничего не знала, – напомнила Наталья. – Спрашивать начала потом! Мне было известно лишь то, что сообщил агент: возраст дома, сколько в нем комнат, какое отопление, удобства, расположение... Именно это я и увидела, когда приехала сюда. И все же... – Глубоко вздохнув, она почти с негодованием закончила: – Парижский агент не рассказывал мне о фамильных привидениях, потому что сам о них не знал! Когда я спросила его, что является причиной такой срочной продажи, мне ответили: нужда в деньгах. Все, точка, нечего больше выяснять... Разве я могла заподозрить что-то другое...

Они молча прошли еще несколько шагов, почти вплотную приблизившись к амбару. Его стены, сложенные из крупных серых камней, были покрыты сизым мхом и оттого издали казались темными. Примитивной постройке было лет двести, как предположила Александра. Наталья немедленно подтвердила ее версию:

– Этот дом был построен еще до рождения полковника! Вот все, что осталось от прежней фермы стариков Делавиней. Полковник был младшим сыном в семье, потому и ушел в солдаты. Старшему сыну достался родительский дом и это поле... Но он умер, и к моменту возвращения из Московского похода полковник уже получил все права на этот дом. Только предпочел построить свой собственный, новый. Этот пришел в запустение...

– Что там сейчас?

– Склад удобрений... Делавинь-отец никогда не занимался хозяйством. Он сдает кому-то амбар за гроши.

– А на что живет эта семья? – Александра проникалась все большей жалостью к осиротевшим при живой матери детям.

– Не знаю... – протянула Наталья. – По-моему, они проедают то, что выручили за дом... Потом, вероятно, продадут оставшийся клочок земли, флигель и уедут... И я борюсь с искушением продать этот несчастный дом и сбежать! Никогда в жизни я так не ошибалась с покупкой...

Дойдя до прибрежных зарослей ивняка, они спустились между искривленных, узловатых стволов, напоминавших подагрические старческие руки. Узкая полоска намытого рекою песка тянулась вдоль нависших над водой деревьев. Плакучие ветви, еще безлистные, но отягощенные золотистыми соцветиями, купались в медленно текущей воде.

Александра глубоко вздохнула, очарованная нежной красотой этого места. Сена здесь была узкая, как маленькая подмосковная речушка. Шелковисто сияющие волны отливали асфальтовыми, лиловыми, зелеными оттенками, как грудь голубя-сизаря. На противоположном, совсем близком берегу виднелись остатки сгнивших мостков – несколько почерневших покосившихся досок, набитых на шаткие бревна.

– До чего хорошо! – вырвалось у нее.

Наталья не ответила. Сунув руки в карманы старого плаща, который художница помнила еще по Москве и который теперь мешком висел на исхудавшем теле своей обладательницы, женщина смотрела куда-то в пустоту и явно не замечала красоты этого мирного места.

– Послушай... – после паузы сказала Александра, окончательно удостоверившись в том, что знакомая самым опасным образом сосредоточилась на одной мысли и не воспринимает больше ничего. – Раз уж ты все равно не можешь тут жить и тебе мерещатся всякие ужасы, почему бы действительно не продать дом? Понимаю, что это хлопотно, невыгодно, но какой смысл иметь недвижимость, которой не можешь пользоваться?

Наталья, казалось, была поглощена созерцанием медленно текущей реки, но все же расслышала обращенный к ней вопрос. Не глядя на собеседницу, она негромко проговорила:

– Пока нет... Не могу.

– Почему?!

– Дело в том, что «клад полковника» действительно существует!

Александра едва могла поверить в то, что слышит это, но Наталья говорила совершенно серьезно, с глубоким убеждением:

– Клад существует, он спрятан где-то в доме или в саду. Именно поэтому мой сосед Делавинь не уезжает, остается рядом с домом, который свел с ума его жену... У него нет других причин тут оставаться!

Александра не верила своим ушам. Давняя московская знакомая, всегда такая рациональная, только что призналась в своем страхе перед призраками и всерьез говорила о некоем мифическом кладе! Художница, сдвинув брови, внимательно смотрела ей в лицо, а та, нервно оглядываясь (это движение Александра уже подмечала у нее), объясняла:

– Ведь полковник перед смертью жаловался, что у него украли золото, потом вдова на этой почве с ума сошла, все искала тайник... Один из них спрятал золото и забыл куда, понимаешь?! Наследники сперва сад перерыли, затем дом перестроили – не нашли ничего.

Но золото осталось где-то рядом... В доме, если его спрятал сам полковник! Возможно, под полом! Или в стене! Безногому было не уйти далеко со своим сокровищем!

– Опомнись! – Не выдержав, художница схватила приятельницу за плечи и с силой ее потряхнула, так что та широко раскрыла глаза, словно очнувшись от сна наяву. – Какое сокровище, о чем ты?! Неужели ты веришь старой деревенской басне?! Ну, сколько он мог привезти тогда на себе, в поясе на животе?! Ведь он купил землю, выстроил дом, завел семью, понес расходы... Может, перед смертью у него помутился рассудок и он считал потраченные деньги украденными! Если что и осталось, то немного!

– Наверняка осталось все! Все! – Последнее слово женщина, вздрогнув, выкрикнула ей в лицо так громко, что под мостками, разбуженная, всплеснула большая рыба. По темной воде пошли желеобразно дрожащие круги.

– Что – все?! – Александра тоже невольно повысила голос. – О чем ты?!

– Да ведь речь не только о золоте, которое старый хитрец привез на себе... Потом, после постройки дома, прибыл и его багаж... А ты вспомни, откуда он вернулся! В каких роскошных усадьбах ночевал по дороге! К каким сокровищам имел доступ, находясь в таком чине! Полковник только прикидывался бедняком и простачком... Он был настоящим крестьянином, который больше всего боится, как бы кто не заглянул в его мошну и не догадался, сколько там денег!

– Замечательно... Чудесно! – Художница едва сдерживала рвущийся наружу нервный смех. – Очень поучительная история! Скажи, а вы с Дидье не без умысла оставили меня ночевать одну в этом доме? Ты вдруг уехала в Париж, он случайно положил меня на ночлег в той спальне... Вы что же, рассчитывали, что я буду иметь честь лицезреть призрак полковника, который откроет мне, где искать его клад? А то и высыплет мне на одеяло груды сокровищ, чтобы мы все разделили их?

Она говорила издевательским тоном, с затаенной болью наблюдая за тем, как сереет, становясь неузнаваемо чужим, лицо ее давней знакомой. Ядовитая ирония не пробивала эту броню. Художница, задыхаясь, умолкла, напрасно ожидая ответа.

– Вы все сумасшедшие! – решительно проговорила она, так и не дождавшись реакции. – Всех вас надо отвезти туда же, где находится бедная мадам Делавинь!

– Возможно... – Наталья провела рукой по лбу неуверенным жестом только что проснувшегося от тяжелого сна человека. – Если бы ты знала... Эта мысль о старинном кладе так завораживает... И потом, я ведь уже так давно все это терплю! Может, я свыклась с мыслью о том, что этот дом – часть моей судьбы... Я не могу его бросить.

Она сделала несколько шагов по берегу и остановилась прямо напротив места, где вода омывала остатки старых мостков. Александра следила за ней, еще не вполне веря во все, что увидела и услышала в это утро. Художница была так ошеломлена, что больше не делала попыток образумить давнюю приятельницу.

«Но что же делать?» Александра следила за течением реки, вялым и ленивым, за прутьями и сухими листьями, то и дело возникающими из-за поворота, который был скрыт зарослями ив. «Наталья не сошла с ума, конечно, но может быть, куда ближе к этому, чем мне кажется. Если она останется здесь, сейчас, одна, эти мысли полностью ее захватят, и вот тогда – держись! Может, позвонить в Москву ее дочери?»

Художница вспомнила свой визит в московскую квартиру, которую занимала замужняя дочь Натальи. Алине исполнилось всего двадцать лет, но замужем она была уже второй раз. Ни она сама, ни оба ее супруга не работали ни дня. Все расходы несла на себе Наталья, которая зарабатывала, пусть и от случая к случаю, немало. Она была одним из лучших и самых востребованных в Москве дизайнеров по свету. Наталья создавала не только эскизы эксклюзивных светильников и планировала схему их размещения, но и решала уже имею-

щиеся проблемы с искусственным освещением, подчас очень трудные. У нее была твердая репутация специалиста, который никогда не подведет и не ошибется. Ей доверяли.

...Всего несколько дней назад, следуя указаниям, полученным по телефону из Франции, Александра начала расформировывать собранную старой приятельницей коллекцию экспрессионистов. Часть раритетов следовало выставить на продажу, часть – привезти во Францию. С этой целью Александра и приехала на квартиру к старой знакомой.

Рады ей не были. Правда, Алина, уже посвященная в детали плана, составленного матерью, против вторжения гостии не возражала. Она отперла дверь комнаты, которую занимала некогда Наталья и где теперь хранились коллекции... Но ее застывшее в неприязненной гримасе лицо, враждебный взгляд, тяжелое молчание ясно говорили о том, что она имеет свое мнение о происходящем, и это мнение резко отрицательное.

Сперва Александра занималась разборкой папок, стараясь игнорировать наблюдавшую за ней девушку. Но вскоре терпение художницы иссякло. Обернувшись, она прямо спросила Алину, так ли уж обязательно ее присутствие?

– Твоя мама мне доверилась, а ты меня прямо глазами ешь! – Она знала девушку с подросткового возраста и потому не церемонилась. – Неужели думаешь, я что-то украду?!

– Да нет. – Алина, поджав губы, скрестила руки на груди, словно демонстрируя свою готовность защищаться. – Про вас-то как раз я ничего такого не думаю.

– Так зачем следишь за каждым моим движением?!

– Я должна знать, что мама решила продать. Имею полное право, кажется?

Бледное лицо девушки выражало негодование и решительность. Опомнившись от удивления, художница проговорила:

– Не уверена, что ты имеешь такое право! Твоя мать сама заработала деньги, чтобы все это купить. Ты никогда не работала, она тебя полностью содержит. А ты ведь уже взрослая! Второй раз замужем... погоди, твоего нынешнего ведь сейчас дома нет? Неужели он на работе?! Устроился, наконец?!

Против своей воли она говорила язвительно, прекрасно осознавая при этом, что наживает себе смертельного врага. И верно – едва заслышав мораль, Алина угрожающе переменилась в лице. Ее миловидность разом потускнела, взгляд сделался жестким, теперь девушка казалась намного старше своих лет.

– Не ваше дело, где мой муж и кто меня содержит, – процедила она. – Лучше бы вы поинтересовались, куда мама собирается деть деньги от проданных коллекций!

– Меня это не должно касаться. Ей требуются средства, вот и все.

– И все?! – воскликнула Алина. В ее зеленых глазах блеснули слезы. – Она купила там дом, квартиру в центре Парижа, бросила работать и живет в свое удовольствие так, будто завтрашнего дня нет! Вот на это ей и нужны средства! Когда она все проест и продавать будет нечего, она продаст эту квартиру и выбросит нас на улицу!

– Наталья бросила работать? – Из всей услышанной тирады, вызванной, несомненно, чисто эгоистическими интересами, Александра выделила самую важную для нее фразу. – Как бросила? Я думала, она выполняет заказы дистанционно, по Интернету, как многие сейчас...

– Ничего она не выполняет! – огрызнулась Алина. – Мне сюда, на стационарный номер, второй год звонят ее старые клиенты и спрашивают, все ли с мамой в порядке? Они ей звонили в Париж, она ведь, когда уезжала, оставляла всем координаты... Предлагали взять заказы. А она отказывалась! Говорила, что работать больше нет необходимости!

– Может, у нее есть работа там? – предположила художница.

– Ничего у нее нет! Я спрашивала! Мне она ответила, что всю жизнь вкалывала, одна меня растила, надрывалась, так вот теперь желает жить по-человечески! Вот мне и инте-

ресно: она сейчас все подчистую собирается отсюда вывезти или что-то оставит, смеха ради?! Может, нам уже пора съезжать?

Скрепя сердце, Александра удовлетворила любопытство девушки. Узнав, что коллекция ликвидируется полностью, Алина с минуту молчала. Она была ошеломлена, убита этим известием.

– Ну, все, – сказала она наконец. – Мать промотает и эти деньги, уж не знаю, на что она тратит, на кого... И вернется нищей. Хорошо, если в своем уме...

Не сказав больше ни слова, девушка вышла из комнаты, предоставив гостю полную свободу. Александра продолжила разбирать папки, уже не испытывая прежнего приподнятого настроения. Теперь она думала не о том, что ей попался выгодный заказ и скоро она вновь увидит Париж... Художница не могла отделаться от мысли, что поведение ее старой знакомой заключает в себе нечто подозрительное и таинственное...

«Но я не подозревала тогда, что настолько таинственное!» – сказала она себе, следя за Натальей. Та, стоя у самой кромки воды, словно грезила наяву. Глаза женщины были открыты, но казалось, она ничего перед собой не видит. «Если я расскажу Алине, что мать считает, будто в ее доме спрятан старинный клад... А не живет она там и потратила последние деньги на квартиру в Париже, потому что боится привидений... Ну, не знаю! Алина девушка решительная, расчетливая, деньги любит, на мать в обиде. Запрячет бедняжку в психбольницу, не поленится приехать... И будет сидеть несчастная Наталья рядом с такой же несчастной мадам Делавинь... Да, но супруга соседа сошла же отчего-то с ума! Она ведь клад не искала!»

Все, что Александра успела услышать о «Доме полковника», рождало у нее тревогу. «Что-то там не так! Что-то очень не так! Не знаю, был ли там клад и что он из себя представлял, но люди в этом доме сходили с ума, умирали от страха, вешались... И вот теперь Наталья... Бросила принимать заказы, надеется разбогатеть, найдя клад, превратилась в полупомешанную мономанку, выдающую дикий вымысел за явь... Но ведь она, не будучи даже осведомленной о местных преданиях, видела, чувствовала, слышала в „Доме полковника“ то, что выгнало ее оттуда! Это нельзя приписать больному воображению! Что-то случилось на самом деле... Дало толчок!»

Наталья, внезапно очнувшись, отвела взгляд от воды и повернулась к художнице. Ее глаза вновь приняли осмысленное выражение.

– Мне нужно вернуться в Париж, – произнесла она неожиданно деловито и спокойно. – Сегодня же, да прямо сейчас. Тебе я полностью доверяю, ты знаешь... Встретишься с покупателем, сторгуешься и договоришься об оплате. Все решай сама!

– погоди, – нахмурилась Александра. – Где это я с ним встречусь? Куда ехать?

– Недалеко! Он живет в этом же городке, как громко именует себя деревня... Только на другом краю, – пояснила Наталья. – Я скажу Дидье, он тебя отвезет. Может быть, вы все решите за сутки, двое... Покупатель настроен на сделку, фото кое-какие видел, вопрос только в цене... Я назвала ему при первой встрече цифру, он засомневался, но ты, конечно, сумеешь его уломать...

– Мило... – От растерянности художница не находила нужных слов. – Я думала, покупатель живет в Париже и мы вместе туда поедem... А ты уезжаешь, бросаешь меня тут одну, в этом доме?!

– Ты же не веришь в привидения?

Наталья произнесла эти слова так холодно и язвительно, что Александра мгновенно осеклась. Женщина почувствовала себя глупо, ее мучил стыд, словно она дала себя заманить в искусно расставленную ловушку. «В самом деле, – смутенно думала художница, – я только что высмеивала ее, а теперь сама боюсь остаться в доме... Разве я боюсь? Правда боюсь?»

Молчание затягивалось. С поля, скрытого зарослями ив, внезапно раздался рокот заведенного тракторного мотора. Обе женщины одновременно вздрогнули, и, как по команде, из зарослей вылетела стая испуганных перепелов.

– Хорошо, – твердо произнесла Александра. – Я останусь и все сделаю сама. Но если что-то выйдет не так, не предъявляй мне потом претензий!

Художница внимательно следила за лицом собеседницы, и то, что она увидела, испугало ее куда больше, чем все рассказы о привидениях. Наталья выслушала ее согласие, не дрогнув, лишь чуть поджав губы и опустив ресницы... Но Александра успела прочесть в ее глазах панический страх.

Глава 4

Стоя у ворот, Александра смотрела вслед удаляющейся машине. Когда плавный изгиб ограды соседского сада скрыл малолитражку Натальи, Дидье обратился к художнице:

– Давайте поедem прямо сейчас?

– К покупателю?

– Ну да. – Парень оглянулся на калитку своего дома. – Пока девчонки нашли, чем заняться. Предупреждаю, у меня всего часа полтора, не больше! Если я их оставлю надолго, Кристина заляжет перед компьютером, а младшие разнесут весь дом, и тогда вечером отец...

– Я поняла, – с улыбкой перебила Александра. – Отец тебе задаст. Хорошо, поедem прямо сейчас. Мне все равно. Но как мы разместим на мопеде чемодан?

Оказалось, Дидье вовсе не собирался везти гостью на своем красном мопеде. Для этой важной цели он предназначил обшарпанный серебристый фургончик, которым обычно управлял отец. Делавинь-старший сейчас как раз отсутствовал, но машина стояла во дворе.

Александра рассудила, что оставлять чемодан в неохраняемом доме, запирающимся лишь на типовой взрезной замок, неразумно. Обычно она не предъявляла покупателю весь имеющийся в наличии товар. Выбирала лишь самые знаковые вещи, умело разжигая интерес к остальным. Иногда таким образом удавалось поднять цену продающейся коллекции вдвое, а то и втрое.

Александра знала, что коллекционер, не стесненный в средствах, охотнее покупает легенду, а не правду, престиж, а не качество. Художница помнила из своей практики множество случаев, когда коллекционер, даже подозревая подлог, предпочитал искусно изготовленную фальшивку «неубедительному» подлиннику, особенно если фальшивка имела солидные сопроводительные документы, включая паспорт экспертизы. Таких сделок становилось все больше, и женщина часто спрашивала себя: не теряет ли коллекционирование предметов искусства всякий смысл, превращаясь в собирание все более умело сертифицированных подделок? Сама она брезговала подобными предприятиями и брала предметы на реализацию, только если лично была полностью убеждена в их подлинности. Разжечь интерес коллекционера к покупке, тем самым повысив ее цену, – в этом Александра не видела никакого преступления. Она занималась перепродажей антиквариата и живописи вот уже четырнадцать лет и могла с чистой совестью сказать, что еще ни разу не продала клиенту заведомую фальшивку. Удержаться от искушения порой бывало нелегко... Ее знакомые, подвизавшиеся в той же сфере, наживали целые состояния, кое на что закрывая глаза, о чем-то умалчивая, с кем-то делясь... А иногда просто продавая свою подпись на экспертном заключении, которого даже не читали. Александра, постигнув в свое время правила этой игры, вовремя устранялась от подобных комбинаций, хотя должна была признать, что подводных камней и опасностей на ее пути это не уменьшало...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.